

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2018 – 4 (310)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2018**

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:

Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2018. – № 4 (310). – 115 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Ниязи А.Ш.</i> Отчет ПРООН по развитию человеческого потенциала 2018: Тенденции и показатели в мире и России	5
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Исламское образование в России: История и современность	12

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Добаев И.П.</i> Ислам в Черноморско-Каспийском регионе: Геополитическое измерение	18
<i>Сулейманов Р.В.</i> Турецкий фактор азербайджанской государственности	32
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Постсоветская Центральная Азия: Этнотерриториальные споры и пограничные конфликты. (Обзор)	45

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Сченснович В.Н.</i> Афганский кризис и угрозы безопасности Центрально-Азиатского региона. (Обзор)	56
<i>Бибилова О.П.</i> Уйгурский джихад в Китае и Сирии	67
<i>Бабич И.Л.</i> Государственная мусульманская политика в контексте современной религиозности в Швейцарии	77

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Рахимджанова Н.К.</i> Трактовка религиозных праздников и обрядов в туркестанской печати в конце XIX – начале XX в. (На примере исламской религии).....	87
<i>Ачилова Г.М.</i> Традиционная мусульманская культура и обычаи кочевников в управлении Средней Азией Чингизидами.....	95
<i>Юсупова Н.Ж.</i> Основные принципы исламского права в укреплении семейных отношений.....	103
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2018 г.....	112

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Ниязи А. Ш.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра изучения
Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
(Институт востоковедения РАН)

ОТЧЕТ ПРООН ПО РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА 2018: ТЕНДЕНЦИИ И ПОКАЗАТЕЛИ В МИРЕ И РОССИИ

Аннотация. В статье представлены мировые тенденции в области развития человеческого потенциала. Проводится сопоставительный анализ показателей качества жизни в Российской Федерации с аналогичными измерениями в странах с быстро развивающимися экономиками.

Ключевые слова: Индекс развития человеческого потенциала; качество жизни в России; мировые тенденции; отчет ПРООН по развитию человеческого потенциала 2018; образование и здравоохранение; валовый национальный доход; гендерное неравенство.

14 сентября 2018 г. вышел очередной отчет Программы развития ООН «Индексы и показатели развития человеческого потенциала: обновление статистики в 2018 году»¹. Он составлен на основе оценочных данных, рассчитанных по итогам 2017 г., которые охватывают 189 стран. Индекс развития человеческого потен-

¹ Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). One United Nations Plaza, New York, NY 10017.

В электронном виде текст доступен на: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (Дата обращения: 03.10.2018.)

Доклады и отчеты ПРООН по человеческому развитию обычно выходят раз в два года.

циала (ИРЧП), или иначе Индекс человеческого развития (ИЧР) – (HDI – Human Development Index), отражает изменения качества жизни населения Земли, отдельных стран и территорий. Как и прежде, начиная с 1990 г. этот сводный индекс показывает достижения стран по трем основным измерениям: долгая и здоровая жизнь, знания, достойный уровень жизни. Здоровье измеряется ожидаемой продолжительностью жизни при рождении; знания оцениваются с помощью комбинации уровня грамотности взрослого населения и охвата населения тремя уровнями образования – начальным, средним и высшим; материальное благополучие измеряется с помощью валового национального дохода на душу населения по паритету покупательной способности в международных долларах. В области доходов в качестве пороговой величины используется среднее мировое значение ВНД на душу населения¹.

Критерии и индикаторы развития человеческого потенциала постоянно совершенствуются. В последние годы с целью более комплексного измерения человеческого развития используются еще четыре составных индекса. ИЧР, скорректированный с учетом неравенства, вносит поправку в ИЧР с учетом уровня неравенства. Индекс гендерного развития сопоставляет значения ИЧР для мужчин и женщин. Индекс гендерного неравенства показывает степень расширения прав и возможностей женщин, а Индекс многомерной бедности отражает измерения бедности, не связанные напрямую с доходом. Также при определении рейтинга страны учитываются такие факторы, как: возможность граждан принимать участие в общественной жизни, положение в области прав человека и гражданских свобод, социальная защищенность, степень территориальной и социальной мобильности населения, показатели уровня культурного развития населения, доступа к информации, уровня безработицы, доли квалифицированной рабочей силы, состояния преступности, охраны окружающей среды и другие. В итоговом

¹ С 2010 г. в докладах по ИЧР вместо ВВП на душу населения используется показатель валового национального дохода на душу населения: ВНД – совокупная стоимость всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства плюс первичные доходы (оплата труда работников и доходы от собственности), полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами. ВНД конвертируется в международные доллары с использованием коэффициентов паритета покупательной способности (ППС) и делится на численность населения по состоянию на середину года. Международный доллар имеет такую же покупательную способность, как американский доллар в США.

рейтинге все государства ранжируются на основе ИЧР и делятся на четыре категории: страны с очень высоким уровнем ИЧР, с высоким, средним и низким уровнями. Базовые измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель ИЧР в диапазоне от 0 до 1. Затем государства ранжируются на основе этого показателя. Страны с ИЧР менее 0,550 имеют низкий уровень человеческого развития; 0,550–0,699 – средний уровень; 0,700–0,799 – высокий уровень развития; от 0,800 и выше – очень высокий уровень.

В отчете ПРООН 2018 г. отмечается, что в целом по миру наблюдается тенденция, направленная на дальнейшее улучшение развития человеческого потенциала: из 189 стран, по которым рассчитывается ИРЧП, 59 стран сегодня входят в группу очень высокого развития человеческого потенциала, и только 38 стран входят в группу с низким уровнем ИРЧП. Всего восемь лет назад в 2010 г. эти цифры составляли 46 и 49 стран соответственно.

Пятерку ведущих государств в рейтинге ИРЧП из 189 стран и территорий возглавляют Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия и Германия, в то время как Нигер, Центральноафриканская Республика, Южный Судан, Чад и Бурунди имеют самые низкие баллы в оценке национальных достижений в области здравоохранения, образования и доходов. Наибольший рост рейтинга по ИЧР за период с 2012 по 2017 г. произошел в Ирландии, которая поднялась на 13 позиций; интенсивно развивались также Турция, Доминиканская Республика и Ботсвана, каждая из которых поднялась на восемь позиций. Все три случая наиболее резкого снижения рейтинга по ИЧР относятся к странам, затронутым конфликтами: наибольшее снижение рейтинга по ИЧР произошло в Сирийской Арабской Республике – на 27 позиций, за которой идут Ливия (26 позиций) и Йемен (20 позиций).

В мировом масштабе значительно увеличился уровень здоровья, о чем свидетельствует показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Он вырос почти на семь лет. Что касается продолжительности обучения, то сегодняшние дети школьного возраста могут надеяться, что они пробудут в школе на 3,4 года дольше, чем поколение 1990 г.

Средние уровни ИЧР значительно повысились за период с 1990 г. – на 22% в глобальном масштабе и на 51% в наименее развитых странах. Это свидетельствует о том, что в среднем люди живут дольше, имеют более высокий уровень образования и боль-

ший доход. Однако по странам и регионам мира продолжают сохраняться масштабные различия в уровне благосостояния людей. Анализ составных элементов сводных статистических данных показывает сохраняющуюся несправедливость в распределении общественных достижений в области образования, здравоохранения и доходов.

Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства, дает возможность сравнить уровни неравенства внутри стран, причем чем выше неравенство, тем сильнее снижается ИЧР данной страны. Хотя значительное неравенство наблюдается во многих странах, включая некоторые из самых богатых, в среднем оно сильнее проявляется в странах с невысоким уровнем человеческого развития (ЧР). Страны с низким и средним уровнями ЧР теряют, соответственно, 31 и 25% своего уровня ЧР из-за неравенства, а в странах с очень высоким уровнем потери ЧР в среднем составляют 11%, делают вывод специалисты ПРООН.

Что касается неравенства между женщинами и мужчинами, то на мировом уровне наблюдается сокращение гендерного разрыва в периоды детства и юности, в то время как в зрелом возрасте неравенство устойчиво сохраняется. Одним из главных источников неравенства внутри стран является разрыв в возможностях, достижениях и распределении прав и полномочий между мужчинами и женщинами. В мировом масштабе среднее значение ИЧР для женщин на 6% ниже, чем для мужчин, что связано с более низким доходом и образовательным уровнем женщин во многих странах, хотя численность девушек, посещающих школу, увеличивается. Общемировой показатель экономической активности женщин ниже, чем соответствующий показатель для мужчин – 49% против 75. Когда женщины выходят на рынок труда, уровень безработицы среди них на 24% выше, чем среди мужчин.

Несмотря на общемировой прогресс в области человеческого развития, он продолжает сдерживаться существенными диспропорциями внутри и между странами. Между государствами существует колоссальный разброс показателей, характеризующих качество образования, медицинского обслуживания, а также многие другие ключевые аспекты жизни. В странах Африки к югу от Сахары в начальной школе на одного учителя приходится в среднем 39 учеников, в регионе Южной Азии – 35 учеников. В то же время в странах ОЭСР, Восточной Азии и Тихоокеанского региона, а также Европы и Центральной Азии один учитель приходится на 16–18 учеников начальной школы. И если в странах ОЭСР, Европы,

Восточной Азии и Тихоокеанского региона на каждые 10 тыс. человек населения в среднем приходится, соответственно, 29 и 28 врачей, то в Южной Азии – только восемь, а в странах Африки к югу от Сахары – менее двух.

«В среднем ребенок, родившийся в стране с низким ИЧР, может надеяться прожить чуть больше 60 лет, в то время как ребенок, родившийся в стране с очень высоким ИЧР, способен дожить почти до 80. Аналогичным образом, дети в странах с низким уровнем ЧР скорее всего проведут в школе на семь лет меньше, чем дети из стран с очень высоким уровнем ЧР. Помимо того, что сама по себе эта статистика рисует суровую картину действительности, она также свидетельствует о трагедии миллионов индивидов, чья жизнь омрачена неравенством и нереализованными возможностями, причем ни то ни другое не является неизбежным», – заявил в связи с выходом последнего Отчета по человеческому развитию Администратор ПРООН Ахим Штайнер¹.

* * *

В рейтинге ИЧР по итогам 2017 г. Российская Федерация занимает неплохое 49-е место (с ИЧР 0,816) из 189 стран мира и входит в группу из 59 стран с очень высокими показателями человеческого развития. Еще несколько лет назад она находилась в верхней части второй группы стран с высокими показателями индекса. Основные показатели России таковы: ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 71,2 года; ожидаемая продолжительность получения образования – 15,5 лет²; средняя продолжительность обучения – 12,0 лет³; валовой национальный доход на душу населения – 24 233 долл. в год по паритету покупательной способности, выраженному в международных долларах

¹ http://hdr.undp.org/sites/default/files/rus_globalpress_release_2018_statistical_update_human_development_indices.pdf (Дата обращения: 10.10.2018.)

² Ожидаемая продолжительность обучения означает: количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области возрастных показателей охвата населения образованием.

³ Средняя продолжительность обучения означает: среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности каждого уровня образования.

в ценах 2011 г. В стране в 2017 г. проживало около 144 млн человек.

Динамика баллов по ИЧР с 1990 по 2017 г. (см. табл. 1) показывает, насколько серьезно «шоковая терапия» неолиберального эксперимента 90-х годов не только затормозила, но и отбросила назад достижения российских граждан, в то время как мир развивался. Затем за десятилетие с 2000 по 2010 г. наблюдалось наиболее быстрое наверстывание необходимых для человеческого развития базовых компонентов. Достиженные темпы развития человеческого потенциала россиян с 2010 по 2017 г. немного снизились, но превысили среднегодовой рост ИЧР по миру в целом. Важно, что несмотря на известные экономические трудности, возникшие с 2014 г., России все же удалось сохранить и даже улучшить, хотя и ненамного, свои позиции по показателям человеческого развития.

Таблица 1

**Россия и мир. Тенденции в области
Индекса человеческого развития. 1990–2017 гг.**

Россия								
Годы	1990	2000	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Баллы ИЧР	0,734	0,720	0,780	0,798	0,807	0,813	0,815	0,816
Мир в целом	0,598	0,642	0,698	0,709	0,718	0,722	0,726	0,728
Россия								
Годы	1990–2000		2000–2010		2010–2017		1990–2017	
Среднегодовой рост ИЧР в %	-0,18		0,80		0,66		0,40	
Мир в целом	0,72		0,84		0,60		0,73	

Данные приводятся на основе источника: Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. Table 2. Human Development Index trends, 1990–2017. P. 26, 29.

Более подробные данные по потенциалу человеческого развития в России приведены в статье: *Ниязи А.Ш.* Россия – Центральная Азия: показатели качества жизни и устойчивого развития. К вопросу об интеграции // Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. ИВ. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 11. – С. 27–39.

В рейтинге по ИЧР Россия продолжает опережать крупнейшие государства мира с быстро растущей экономикой (см. табл. 2). Ее партнеры по БРИКС все еще значительно отстают от нее

в показателях реального образования и ВНД по ППС на душу населения. Тем не менее по ожидаемой продолжительности жизни РФ отстает от показателей Бразилии, Китая и общемирового уровня. Бразилия приблизилась к Российской Федерации по измерению ожидаемой продолжительности обучения ее граждан. Следует отметить, что статистика по количеству лет обучения требует еще и изучения качества образования – чему и как учат, в том числе и в России.

Таблица 2

Индекс человеческого развития и его компоненты по странам БРИКС по итогам 2017 г.

Место в рейтинге из 189 стран	Страна	Баллы по ИЧР	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	Средняя продолжительность обучения (в годах)	ВНД на душу населения (в долл. США по ППС)	Рейтинг по ВНД на душу населения минус рейтинг по ИЧР
49	Россия	0,816	71,2	15,5	12,0	24,233	3
79	Бразилия	0,759	75,7	15,4	7,8	13,755	2
86	Китай	0,752	76,4	13,8	7,8	15,270	-9
113	ЮАР	0,699	63,4	13,3	10,1	11,923	-23
130	Индия	0,640	68,8	12,3	6,4	6,353	-5
	Мир в целом	0,728	72,2	12,7	8,4	15,295	

Таблица составлена на основе источника: Human Development Indices and Indicators. 2018. Statistical Update. Table 1. Human Development Index and its components. P. 22–24.

Последний столбец таблицы 2 – рейтинг стран по ВНД на душу населения минус рейтинг по ИЧР демонстрирует разность между рейтингом по ВНД на душу населения и сводным рейтингом по ИЧР. Отрицательный показатель означает, что рейтинг страны по ВНД выше, чем ее рейтинг по ИЧР. Эта отрицательная разница указывает на то, что получаемый в стране доход не конвертируется должным образом в развитие в сферах охраны окружающей среды, образования и здоровья населения. Меньший рейтинг по ИЧР в сравнении с рейтингом по доходу наиболее характерен для стран, экономика которых основывается на добыче

и экспорте полезных ископаемых и энергоресурсов. Хотя в России такой сегмент экономики очень значителен, ее положение среди стран БРИКС наилучшее (+3), тем не менее этот показатель невысокий, такой же имеет, например, Центральнаяафриканская Республика, стоящая в рейтинге по ИЧР на предпоследнем, 188-м месте. Отрицательные величины отмечены у Индии, Китая и ЮАР: -5; -9; -23 соответственно.

Исходя из шагов российского правительства за последние два-три года, направленных на экономическое и финансовое оздоровление, а также на поддержку социальной сферы, есть основания надеяться, что достигнутый уровень человеческого развития россиян останется стабильным. Тенденциозные данные таблицы 1 показывают, что на всех этапах постсоветского периода, даже в самые трудные времена, потенциал человеческого развития в России оставался и остается выше общемирового показателя. Условия для этого были заложены в СССР – передовом социальном государстве. В наследие оно оставило не только мощную экономическую инфраструктуру, но и общепризнанные достижения в науке, образовании, здравоохранении, культуре. На них еще многое держится. Кроме того, мы обладаем огромными природными ресурсами, и если использовать их с умом, можно надеяться, что развитие России станет более устойчивым.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

Дмитриева Е.Л.,
старший научный сотрудник (ИНИОН РАН)
**ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

***Аннотация.** В статье рассматривается история мусульманского образования в России. Анализируются три периода существования системы исламского обучения в России: дореволюционный, советский и постсоветский.*

***Ключевые слова:** исламское образование; богословие; медресе; мактаб; традиционализм; джадизм; «Мир-Араб»; Духовное управление мусульман.*

Исламское образование в России насчитывает много веков, но до сих пор находится на стадии формирования, и одной из при-

чин такого положения дел являются события, происходившие в истории нашей страны на протяжении всего XX в.

Исторически на территории России исламское образование можно было получить в мактабах (начальных школах, организованных при мечетях) и медресе. В медресе поступали юноши, уже прошедшие обучение в мактабе. Мактабы и медресе – это традиционные для России исламские учебные заведения, которые являлись основой для последующей подготовки мусульманского духовенства. Мактабы и медресе действовали во всех районах компактного проживания мусульманского населения в России, что позволяло любому человеку, исповедовавшему ислам, получить религиозное образование. Из окончивших медресе получались высокообразованные специалисты по богословию, которые свободно владели литературным арабским языком. Подобная система религиозного исламского образования существовала на территории Российской империи вплоть до революции 1917 г. и последовавших вслед за ней изменений во всех сферах жизни российского общества.

На начало XX в. исламское образование в России было представлено двумя школами – традиционной и джадидской. Традиционная школа давала знания, основанные на классических принципах исламского богословского образования. Выпускники таких учебных заведений, получив глубокие религиозные знания в области ислама и мусульманского богословия, практически были нацелены на решение внутриконфессиональных проблем. Вопросы адаптации системы религиозного образования к изменяющимся российским и мировым реалиям в традиционных учебных заведениях игнорировались, поэтому их выпускники за пределами самой мусульманской общины практически не были востребованы. Пытаясь сохранить традиционные устои исламской уммы, представители традиционализма выступали против всех, даже кажущихся на первый взгляд незначительных новшеств. Традиционализм явился ответной реакцией на наметившиеся перемены, которые обозначились в социально-экономической и духовно-идеологической жизни российского общества во второй половине XIX в., когда наметился поворот на путь современного развития.

Приверженцы джадидской школы (араб. «усуль-аль-джадид», т.е. новый метод) призывали модернизировать систему обучения, включив в процесс обучения светские дисциплины, освоение которых было необходимо мусульманскому сообществу для того,

чтобы привести традиционные мировоззренческие системы в соответствие с быстро меняющимися требованиями времени.

Усилиями джадидов в учебные программы медресе были введены такие дисциплины, как иностранный язык, физика, химия, математика, психология, гигиена, агрономия, экономика, бухгалтерия и коммерция. Реформаторы нередко встречали сопротивление консервативно настроенных имамов, названных кадимистами (араб. «кадим», т.е. старый). И если представители мусульманского духовенства – известнейшие богословы, как правило, являлись выпускниками традиционных исламских учебных заведений, то интеллигенцию мусульманских народов представляли выпускники джадидских учебных заведений. Основные джадидские медресе, как правило, функционировали в городской среде, в отличие от традиционалистских, оставшихся в большинстве своем в сельской местности.

Конец этому противостоянию положила советская власть – к началу 30-х годов XX в. были закрыты большая часть мечетей и мусульманских религиозных учебных заведений, и таким образом система исламского религиозного образования была разрушена. Окончательный упадок системы исламского образования происходит после перевода (конец 20-х и середина 30-х годов прошлого века) письменности мусульманских народов СССР с арабской графики на латиницу, а впоследствии на кириллицу.

Тем не менее само исламское религиозное образование окончательно не исчезло. Так как интерес населения к религиозным знаниям сохранялся, то обучение религиозным дисциплинам в этот период осуществлялось неофициально (в частных домах, на квартирах или в условиях труднодоступной местности, например в удаленных аулах).

В годы Великой Отечественной войны религиозная политика советского государства подверглась существенной корректировке – смягчению позиции государства по отношению к религии. Такое изменение во многом было связано с патриотическим настроем верующих граждан, которые принимали активное участие в борьбе против фашизма. Это ознаменовало новый этап в отношениях государства и религии. В 1945 г. в Бухаре открывается единственное на то время в СССР высшее исламское учебное заведение – медресе «Мир-Араб». Организация учебного процесса была строго регламентирована и контролировалась государственными органами по делам религии. Слушатели должны были носить светскую одежду и демонстрировать светский образ жизни.

Программа, по которой обучались слушатели медресе, состояла из 11 предметов (шесть религиозных, три языковых и два светских). Слушатели медресе имели возможность проходить стажировку в исламских университетах за границей (Египет, Сирия, Марокко, Судан, Иордания). Медресе «Мир-Араб» находилось в ведении Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), которое на тот момент имело статус неформального лидера среди духовных управлений мусульман на территории СССР. С 1956 (на практике с 1957 г.) по 1961 г. в Ташкенте также функционировало медресе Баракхан. А в 1971 г. в Ташкенте открылся первый исламский институт – Ташкентский исламский институт имени имама Аль-Бухари, где могли совершенствовать свои знания будущие богословы и преподаватели медресе. В медресе обучались слушатели из всех республик СССР.

Таким образом, исламские учебные заведения Узбекистана способствовали преемственности традиций духовного образования и решали задачу подготовки священнослужителей для мусульманской общины в других республиках СССР.

Активно исламские учебные заведения на территории СССР начали возрождаться только с конца 1980-х годов, когда наступило время коренных изменений в жизни советского общества. В конце 80-х годов прошлого века при Московской Соборной мечети на базе курсов по изучению Корана, основ ислама, истории ислама, арабского и татарского языков было открыто медресе, ставшее впоследствии одним из первых мусульманских учебных заведений в постсоветской России.

После распада СССР у мусульманского сообщества России появилась возможность восстановления и развития системы исламского образования в полной мере.

На первоначальном этапе процесса реисламизации в России в 90-х годах прошлого века вопросами восстановления и организации религиозного образования занимались представители традиционного мусульманского духовенства. С начала 90-х годов многие из руководителей местных мусульманских общин и даже муфтиятов лично проводили уроки по арабскому языку и основам ислама. Занятия проходили в мечетях, в воскресных школах и давали знания уровня начальной системы образования. В это же время начинается формирование системы профессионального мусульманского образования. Появляются мусульманские учебные заведения среднего и высшего уровня, а также восстанавливаются старейшие исламские учебные заведения во всех регионах России, где тради-

ционно проживало мусульманское население (Татарстан, Башкортостан, Поволжье, Северный Кавказ и т.д.).

Учебные заведения в этот период возникали хаотично, независимо друг от друга, учебный процесс не был отрегулирован и унифицирован, не было единых учебных планов и программ, деятельность таких учебных центров никем не координировалась и была недоступна для общественного контроля. На начальном этапе в профессиональных мусульманских учебных заведениях использовались книги, изданные в разных странах, на основе различных течений в исламе, не являющихся традиционными для России. Некоторые из таких учебных заведений стали базами экстремистов. На формирование основ мусульманского образования в России в этот период истории значительное влияние оказывают иностранные миссионеры. Не только демократизация общественной жизни способствовала восстановлению связей с зарубежными единоверцами, но и сами официальные руководители ДУМов во многом способствовали такому влиянию. Нередко муфтии допускали иностранных миссионеров к процессу образования российских мусульман, не видя в этом ничего предосудительного. Сказывалось также отсутствие собственных педагогических кадров, образовательных религиозных программ, а приглашение иностранных миссионеров рассматривалось как вынужденная мера со стороны исламского духовенства. Много молодых мусульман в то время уехало получать образование в зарубежные университеты.

В таких условиях стала очевидна необходимость участия государства в организации системы религиозного образования мусульман, на чем настаивали и сами представители духовенства. В марте 2005 г. на заседании Совета муфтиев России было принято решение о создании Совета по исламскому образованию, на котором впоследствии был утвержден единый образовательный стандарт всех уровней для религиозного исламского обучения. В 2007 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.06.2007 № 775-р) в целях противодействия распространению идей радикального ислама была принята программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама для работы в исламских религиозных объединениях (священнослужителей, преподавателей учебных заведений, служащих аппаратов духовных управлений, издательств). В рамках этой концепции таких специалистов в России стали готовить несколько светских вузов (Пятигорский лингвистический университет, Московский государственный лингвистический университет, Казанский федеральный

университет, Нижегородский государственный университет), а также исламские религиозные высшие учебные заведения (Российский исламский институт в Уфе, Московский исламский университет, Северо-Кавказский исламский университет). В настоящее время в России насчитывается уже более 80 мусульманских религиозных учебных заведений. Активно идет процесс становления системы исламского среднего и высшего образования, предпринимаются попытки выработки основополагающих документов, помогающих осмыслению серьезных богословских проблем и способствующих объединению мусульман России. Духовные управления мусульман Европейской части России, Поволжья и Северного Кавказа мусульман должны выработать единую позицию в вопросах исламского богословия, а также определить место и роль ислама в современной общественно-политической жизни страны.

Исламское образование в современной России – это стратегическое направление внутренней и внешней политики. Межконфессиональное согласие в России должно основываться на доступной и качественной системе религиозного образования, отвечающей национальным традициям и включенной в единое образовательное пространство.

Литература

1. *Халилова З.* Слушатели медресе советского Узбекистана (1945–1991): Социальная жизнь и повседневные практики // Россия и мусульманский мир. ИНИОН РАН. М., 2016. № 10. С. 49–64.
2. *Ахмадуллин В.А.* Типичные ошибки исследователей, изучающих исламское образование в СССР // Пространство и время. Post scriptum: Переводы, рецензии, мнения. 3 (13) 2013. С. 235–238.
3. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: История и современность / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2006. 172 с.
4. *Каиаф Ш.Р.* Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России. Ислам в современном мире. М., 2015. Т. 11. № 4. С. 47–61.
5. *Муртазин М.Ф.* Развитие исламского религиозного образования на Северном Кавказе и в Европейской части страны: Тенденции и перспективы. // Материалы научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Юга России», г. Ставрополь. М.: Книжный мир, 2015.
6. *Мухаметшин Р.М.* Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 35–46.

*Статья написана специально
для бюллетеня «Россия и мусульманский мир»*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
директор Центра регионального федерального
университета, Ростов-на-Дону

ИСЛАМ В ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

Аннотация. В статье рассматривается состояние и развитие ислама и исламского движения в Черноморско-Каспийском регионе, влияние здесь процесса реисламизации на геополитические трансформации. Установлено, что ислам в регионе не является монолитом, но разобцнен на направления, толки, идейные течения, секты, группировки и т.д. Наиболее опасной формой бытования ислама выступают исламизм и крайние формы его проявления – религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламским вероучением.

Ключевые слова: геополитика; ислам; исламизм; суннизм; шиизм; суфизм; Черноморско-Каспийский регион.

В данной статье под Черноморско-Каспийским регионом мы понимаем обширный субрегион Евразии, включающий в себя Иран, Турцию, государства Южного Кавказа и юг России.

Иран сегодня является единственной в мире мусульманской страной, государственной религией которой является шиитский ислам. Как известно, шиизм является вторым по численности последователей и значимости направлений в исламе, вбирающий в себя ряд течений, сект и подсект. Господствующие в Иране шииты-

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

имамиты признают всех 12 имамов из рода Али (зять Пророка Мухаммада, четвертый праведный халиф). При этом считается, что 12-й имам – малолетний сын умершего в 843 г. имама Аль-Хасана аль Аскари вскоре после его провозглашения имамом исчез, или «скрылся», и этот «сокрытый имам» и является тем «махди», который должен вернуться и восстановить справедливость в мире. Имамиты наиболее последовательно придерживаются теории божественной сущности имамата и приписывают имамам непогрешимость. Помимо всего прочего, как уже отмечалось, Иран в настоящее время является единственным в мире исламским государством в полном смысле этого слова.

После победы февральской революции 1979 г. в Иране к власти пришло шиитское духовенство во главе с великим аятоллой Р. Хомейни, под руководством которого и было построено «Исламское государство». Его создание предполагало радикальные преобразования по исламизации всех социально-экономических и политических институтов государства. Речь идет об образовании законодательных органов в соответствии с законами шариата, формировании всех ветвей исполнительной власти по исламской модели общества и построении так называемой «исламской экономики».

Естественно на этом направлении несомненный интерес представляет опыт Исламской Республики Иран (ИРИ), где уже около 40 лет осуществляется исламское правление. Известно, что лидер «исламской революции» великий аятолла Р. Хомейни предпринял попытку реализации в своей стране разработанной им концепции «исламского правления» («вেলাят-е факих»), которая входит в противоречие с шиитским догматом о невозможности справедливого правления в исламском государстве до прихода сокрытого 12-го имама («махди»), поскольку, согласно имеющемуся в шиизме положению, именно через посредничество «махди» осуществляется связь между шиитской общиной и Аллахом. Р. Хомейни порвал с этим схоластическим подходом, заявив о возможности существования третьего, исламского, пути развития на принципах справедливости и улучшения благосостояния всего населения в результате правильного управления страной со стороны одного лидера – факиха.

Несмотря на непринятие этой концепции практически всеми высшими религиозными авторитетами в иранском государстве, которые отстаивают принцип невмешательства духовенства в непосредственное управление государственными делами, концепция

«вেলাйт-е факих» до сих пор является определяющей в деле государственного строительства и управления в ИРИ.

Согласно этой концепции, органы власти в Иране построены таким образом, что ведущее положение в политической системе на всех уровнях занимают религиозные деятели, а главным звеном этой системы является духовный лидер государства – «рахбар» (первоначально великий аятолла Хомейни, а после его смерти – аятолла Хаменеи). Согласно ст. 110 Конституции ИРИ, ему предоставлены беспрецедентные права в области законодательной, исполнительной и судебной властей, решении вопросов войны и мира, назначении и смещении ряда должностных лиц и т.д.

Хотя в Конституции (ст. 58 и 114) говорится о том, что именно народ выбирает президента и членов «Собрания исламского совета» («Маджлес-е шоура-йе эслами», или парламента), решающую роль в определении всех аспектов политики играют религиозные деятели. Они составляют абсолютное большинство в «Собрании», которое выполняет скорее не законодательные, а служебные функции – поиск в «священных источниках» положений и установлений, которые отвечали бы на возникающие жизненные проблемы. Следует отметить, что над «Собранием» стоит так называемый «Совет экспертов» («Наблюдательный совет», или «Совет по охране Конституции»), состоящий из знатоков шариата. Они, как правило, представляют консервативное крыло в политическом спектре шиитского духовенства республики. Из 12 его членов шесть одобряются парламентом, а остальные назначаются духовным лидером. В задачу этого совета входит проверка решений меджлиса на предмет их соответствия шариату. По сути, этот орган имеет право вето в отношении любого решения.

Однако характерным моментом в политическом курсе Ирана, особенно после победы на президентских выборах 1997 г. представителя реформистского течения Хатами, является то, что растущие разногласия в правящей верхушке в последние годы становятся все более очевидными, и эти разногласия только набрали обороты во время президентства Ахмадинежада, но несколько сгладились в период правления Роухани, нынешнего президента Ирана. Некоторые существенные элементы шиитско-исламского радикализма, содействовавшие в период «исламской революции» сплочению большей части оппозиции на борьбу против шахской диктатуры, ныне служат интересам лишь консервативного крыла исламистов. По этой причине, пытаясь перехватить инициативу, их либеральное крыло, возглавлявшееся М. Хатами, добивалось

построения «гражданского общества» в рамках существующего исламского строя, обеспечения некоторого развития демократии и свободы слова. Ахмадинежад в этом смысле пошел еще дальше, существенно ограничив поле политических возможностей исламских консерваторов.

Одновременно за последние 20 лет существенно снизился «экспорт исламской революции» из страны. Через 39 лет после победы идей «исламского правления» в Иране политической реальностью стал отход от идей и практики экстремизма к исламизму в его умеренной форме.

Турция с начала XVI в. на протяжении четырех веков выполняла роль лидера суннитского ислама, а турецкие султаны уже в 1517 г. обеспечили себе роль халифов – «повелителей правоверных» («амер аль-муминин»). Однако после поражения союзницы Турции – Германии – в Первой мировой войне, последовавшей капитуляции Турции в октябре 1918 г. новое руководство страны во главе с Мустафой Кемалем, позже получившим титул Ататюрка («отец всех турок»), сделало ставку на идеологию и практику тюркизма, отказавшись от идей пантюркизма, паносманизма и панисламизма времен Османской империи. Чтобы окончательно утвердить это чувство принадлежности именно партикулярному признаку турецкости, а не по религиозному признаку ислама, религия была отделена от государства. Исламская система законов – шариат – была заменена секулярной системой западного образца. Исламские обычаи были запрещены, и даже арабский алфавит был заменен латинским. Важной вехой этого процесса явилось изъятие в 1928 г. из Конституции положения о том, что ислам является государственной религией Турции, а в 1937 г. в ее тексте среди важнейших и не подлежащих отмене был сформулирован принцип светского государства.

Однако при Ататюрке эта огромная работа была лишь начата и не смогла окончательно изменить сознание огромных масс сельского населения. Перемены коснулись в первую очередь жителей крупных городов. После смерти К. Ататюрка в 1938 г. в Турции начал фиксироваться процесс реисламизации. В результате, по мнению защитников светскости, сегодня мало чего осталось от принципов кемалистской секуляризации. В качестве принципиальных уступок исламизму считаются: постепенное внедрение в учебные программы школ и вузов курсов по исламу; учреждение и деятельность богословских факультетов во многих университетах; расширенное строительство мечетей при активном участии

государства; легализация религиозных орденов и общин; возрождение культа святых мест; существование легальных исламистских партий и т.д. Одной из первых таких партий стала исламистская Партия благоденствия (ПБ) – «Рефах». Финансируемая зарубежными и местными организациями и фондами, ПБ в середине 80-х годов развернула в стране активнейшую организационную и пропагандистскую деятельность. Обещая в случае прихода к власти установить в стране исламский «справедливый порядок», она заметно расширила базу социальной поддержки. Это позволило ей добиться заметных успехов на местных и общенациональных выборах, а в июле 1996 г. в коалиции с Партией верного пути войти в правительство, которое возглавил лидер исламистов Н. Эрбакан. Н. Эрбакан и его сторонники объявили себя ярыми противниками прозападного курса, выступив против членства Турции в ЕС. Одновременно они высказывались в пользу дальнейшего развития своей страны в семье других исламских государств в качестве одного из ее лидеров.

Во время своего пребывания у власти, длившегося около года (с июля 1996 по июнь 1997 г.), правительство Эрбакана предприняло энергичные меры по реализации на практике своей исламистской доктрины. В частности, в области экономики в апреле 1997 г. в противовес существующей семерке развитых капиталистических государств была создана исламская «восьмерка» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Египта и Нигерии. Одновременно были предприняты шаги по исламизации системы образования. Так, было расширено число школ имамов-хатибов, дающих учащимся диплом о среднем образовании, значительно увеличено количество различных исламских курсов и семинаров. Исламисты даже настояли на том, чтобы в государственных учреждениях, в частности в парламенте страны, служащие придерживались исламских норм в ношении одежды.

Все это не могло не вызвать противодействия со стороны кругов, заинтересованных в светском устройстве государства и прозападном курсе развития Турции. В результате уже в июне 1997 г. коалиционное правительство Н. Эрбакана ушло в отставку под давлением турецкого генералитета.

Отставка Н. Эрбакана открыла путь к дальнейшему наступлению на его партию. В феврале 1998 г. Конституционный суд принял решение о роспуске ПБ «за действия, несовместимые с зафиксированным в конституции светским характером государства». Однако вместо запрещенной «Рефах» была создана новая ислам-

ская Партия добродетели – «Фазилет», в которую вступили депутаты меджлиса – бывшие члены «Рефах». На парламентских выборах в апреле 1999 г. «Фазилет» с 15,4% голосов сумела выйти на 3-е место, вслед за Демократической левой партией Б. Эджевита (22,1%) и Партией националистического движения (17,9%). Тем не менее вскоре Партия добродетели, как и ее предшественница Партия благоденствия, в Турции была запрещена и распущена.

Однако ей на смену пришла новая исламистская организация – Партия справедливости и развития (ПСР), которая последовательно, начиная с 2007г., выигрывала парламентские выборы в Турции. В стране фактически установилась электоральная гегемония ПСР. Произошло переформатирование «старой» кемалистской политической системы. Исключение из нее военной элиты, вытеснение с политического поля конкурентов ПСР и отсутствие у нынешней оппозиции реальной альтернативной программы свидетельствуют о росте исламистских тенденций в прежде секулярной Турции. Правящая Партия справедливости и развития выигравшего в августе 2014 г. президентские выборы Т.Р. Эрдогана на практике восстанавливает опору на традиционные исламские ценности. Пожалуй, одним из ее важнейших достижений по отходу от кемализма является нейтрализация генералитета в результате проведения референдума по изменению конституции, по итогам которого армия потеряла возможность отстранять от власти руководство страны. Таким образом, за последние годы ПСР удалось в целом одержать верх над старой кемалистской элитой, отодвинув ее от рычагов реального влияния и власти и серьезно дискредитировав ее в глазах общества.

Помимо этого следует отметить, что в деятельности ПСР мы сталкиваемся с еще одним парадоксом политической стратегии Эрдогана – симбиозом неолиберализма и патернализма. ПСР выполнила свое обещание, данное еще в 2002 г., – повести Турцию по пути новой модернизации, понимаемой как реформирование социальной инфраструктуры и доведение ее до «европейского уровня», а не в качестве культурной вестернизации в духе кемалистских преобразований. Несомненные успехи исламистов во внутренней политике позволили ее руководству взять курс на усиление своей внешней политики – «неоосманизма», поскольку он призван расширить и углубить влияние Турции на государства Ближнего Востока, которые ранее входили в состав Османской империи, одновременно не отказываясь от западного вектора своих устрем-

лений. Эксперты отмечают, что «Новая Османская Порта» достаточно успешно балансирует между Востоком и Западом.

На *Южном Кавказе* ислам развит крайне неравномерно. В Армении ведущей религиозной силой выступает христианская Армянская апостольская церковь. В преимущественно православной Грузии в ряде ее внутренних регионов, в частности в Абхазии, в Панкисском ущелье и на востоке, проживают этнические группы, традиционно исповедующие ислам. В целом влияние ислама на социальные и политические процессы в Абхазии, где исламская община насчитывает порядка 200 человек и даже не имеет мечети, невелико. Поэтому наше внимание будет обращено на «исламский» Азербайджан, население которого исторически исповедует ислам, а также на Грузию, в которой роль ислама неуклонно возрастает.

На развитие религиозной ситуации в *Азербайджане*¹ значимую роль оказала проблема внутрирелигиозной разделенности, или конфессионального дуализма: веками часть местных мусульман составляли сунниты, другую часть – шииты. Исторически они находились в постоянной конфронтации друг с другом, а в XVI–XVIII вв. территория современного Азербайджана стала даже ареной кровавых суннитско-шиитских войн, которые наложили серьезный отпечаток на ментальность местных мусульман. До начала XIX в. до двух третей местных мусульман составляли сунниты. Однако вследствие турецко-российских войн ситуация изменилась, и уже к 1916 г. конфессиональный состав изменился в пользу шиитов, а их численность возросла до 62%.

Кроме того, в первой половине XIX в. территория расселения азербайджанских тюрок оказалась разделенной на две части: меньшая, северная, вошла в состав Российской империи, а большая, южная, – осталась в составе Персии, позднее переименованной в Иран. Практически сразу интеллектуальная и политическая элита страны развернула борьбу за политическое объединение этих азербайджанских земель. Однако в начале XX в. азербайджанская элита, и без того расколота на суннитов и шиитов, дополнительно разделилась на сторонников идеологии панисламизма, выступавших за объединение под знаменем ислама, и на сторонников постулатов пантюркизма, боровшихся за объединение по этническому признаку.

¹ См. об этом подробнее: *Юнусов А.С.* Исламская палитра Азербайджана. – Баку, 2011.

Эти два фактора (раскол на шиитов и суннитов и на сторонников идеологии пантюркизма и панисламизма), помноженные на сформированный позже фактор советского атеизма, стали во многом определяющими для ментальности азербайджанцев в XX в., и после крушения советской власти именно они сыграли решающую роль в религиозно-политических процессах в стране.

В 1991 г. объявивший о своей независимости Азербайджан исламской страной можно было бы назвать исключительно формально. Верующими на тот период были не более 1% населения – те, кто соблюдал все «столпы ислама» (принципы вероисповедания, ежедневная пятикратная молитва, пост в священный месяц Рамазан, милостыня в пользу бедных, паломничество к святыням ислама в Мекке и Медине). Большинство же населения, хотя и считало себя мусульманами по рождению, тем не менее не имело реального представления об исламе и основных принципах веры, не посещало мечети и не молилось, не соблюдало обрядов и требований, определяемых шариатом.

Однако вскоре начался процесс «реисламизации» и возврата населения к своей вере. Стало быстро увеличиваться количество верующих мусульман. Через десять лет после обретения независимости их численность достигла 10%, а через 20 лет – примерно 20% от общего числа населения республики. Иначе говоря, всего за 20 лет независимости Азербайджана число тех, кто стал посещать мечети и соблюдать все необходимые обряды, возросло в 20 раз. При этом большинство из них составляют молодые люди.

Серьезные изменения произошли и внутри исламского общества. Если раньше они подразделялись только на шиитов и суннитов, слабо разбираясь при этом в различиях богословско-правовых школ (мазхабов), то сегодня религиозная палитра намного шире и разнообразнее. В республике возобновили свою деятельность ликвидированные в советское время различные суфийские тарикаты. Одновременно стали появляться новые, среди которых особое место заняли так называемые «нурчу», приверженцы идей турецкого мусульманского просветителя Бадиуззамана Саида Нурси (1876–1960), пик творчества которого пришелся на период реформ Кемаля Ататюрка.

Однако особое место в исламской палитре стали занимать исламские фундаменталисты (салафиты), которых ранее в истории Азербайджана не было и которые во многом вызвали резкий рост интереса населения к исламу. В свою очередь и они раскололись

на умеренных и радикалов, что также оказало влияние на процесс политизации и радикализации ислама в стране.

Произошли серьезные перемены и в шиитской общине Азербайджана. Если ранее она была ведущей по численности, но вызывала в 90-е годы XX в. серьезное отторжение у общества в связи со слабым уровнем подготовки высшего духовенства, то сейчас с появлением получивших образование в высших исламских учебных заведениях Ирана религиозных деятелей, некоторые из них даже стали именоваться «марджа-йе таклид» («образец для подражания»), ситуация начинает меняться и внутри шиитского сообщества (марджа-йе таклид – это шиитские муджтахиды, богословские авторитеты, обладающие наибольшими познаниями в области ислама и имеющие право принимать самостоятельные решения – фетвы по религиозным вопросам; высший слой шиитских муджтахидов составляют Великие аятоллы, аятоллы и хужжат-ул-ислам-ва-л-муслимин. – *И. Д.*).

С советских времен в Азербайджане действует Духовное управление мусульман Кавказа (ДУМК) во главе с шейх-ул-исламом Аллашукюром Пашазаде, который занял этот пост в далеком 1980 г. Именно он издавал фетвы. В то же время по своему статусу ни шейх-ул-ислам, ни любой другой представитель ДУМК не имеют права издавать фетвы ввиду отсутствия статуса «марджа-йе таклид». Однако за последние годы четверо азербайджанских выпускников иранских высших мусульманских образовательных учреждений получили такой статус. Таким образом, они по своему статусу поднялись выше, чем нынешний руководитель ДУМК. При этом религиозно-политическую ситуацию в Азербайджане усугубляет то обстоятельство, что все четверо были арестованы в связи с акциями проиранской Исламской партии Азербайджана, прошедшими в 2011 г.

Таким образом, верующие в постсоветском Азербайджане оказались расколотыми на три большие группы: шиитские организации, приверженцы Нурси (так называемые «нурчу») и салафиты. При этом у них нет единого харизматического лидера. Одновременно в Азербайджане по-прежнему решающую роль играет поколение, ориентированное или с симпатией воспринимающее западные ценности и светскую модель государственности, которую отстаивает политическая элита страны.

Азербайджанские эксперты с большой степенью вероятности прогнозируют развитие ислама в стране по турецкой модели, которая считается наиболее приемлемой, поскольку реализуется

в либеральной форме, без жесткой политики шариатизации общественной жизни. Однако, по их мнению, официальные власти порой чрезмерно жестко используют силовую составляющую в деле противодействия распространению политического ислама, что на практике приводит к увеличению числа радикалов. Это отражается, в частности, в том, что неуклонно увеличивается число тех азербайджанцев, особенно молодых, которые воюют в настоящее время в «горячих точках» на Ближнем и Среднем Востоке, а прежде – и на Северном Кавказе. Иными словами, ислам в постсоветский период превратился в серьезный фактор в политической жизни Азербайджана.

Длительные исторические контакты *Грузии* с мусульманским миром (Османской империей, Персией) повлияли не только на этнический состав населения грузинских земель и их конфессиональную принадлежность, но и нашли отражение в языке, литературе и культуре самого грузинского народа¹.

В настоящее время основными районами расселения последователей ислама в республике являются Квемо Картли, Кахетия и Ачара (Аджария). Согласно переписи населения, проведенной в 2002 г., в стране проживали 433 784 (9,9%) мусульманина. Однако, по оценкам представителей общины, численность последователей исламской религии значительно выше, и сегодня она составляет около 800 тыс. человек. Этнический состав данной конфессиональной группы достаточно разнообразен: это грузины (аджарцы – 115 161 человек и турки-месхетинцы – более 3 тыс. человек), азербайджанцы (284 761 человек), кистинцы (7110 человек), чеченцы (1271 человек), татары, представители дагестанских народностей, а также иностранцы, находящиеся в Грузии на учебе или по долгу службы.

Мусульмане Аджарии и Кахетии в подавляющем большинстве являются последователями суннитского ислама ханифитской религиозно-правовой школы (араб. мазхаб), в Кахетии есть и сунниты-шафииты (аварцы, часть кистинцев и чеченцев) и последователи суфийских тарикатов накшбандийа и кадирийа. Азербайджанское население Квемо Картли исповедует суннизм ханифитского и шиизм имамитского толков.

¹ См. об этом подробнее: *Барамидзе Р., Ганич А.* Ислам в конфессиональной мозаике современной Грузии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info.ru> (Дата обращения: 15.01.2013.)

Официально решение организационных вопросов мусульманских общин Южного и в некоторой степени Северного Кавказа, контроль за их деятельностью до последнего времени осуществляло Управление мусульман Кавказа (УМК), учрежденное в Баку в 1993 г., и являющееся правопреемницей Духовного управления мусульман Закавказья (ДУМЗак). С 1980 г. по сегодняшний день, как уже отмечалось, должность председателя УМК занимает шейх-ул-ислам Аллашшукюр Пашазаде. Полномочным представителем Управления мусульман Кавказа в Грузии с 1996 г. является выходец из г. Марнеули ахунд Али Алиев. Местом пребывания полномочного представителя УМК является Тбилисская джум'а-мечеть.

Однако сложившаяся система и налаженные механизмы управления подверглись ожидаемым изменениям в 2011 г. Возросший уровень профессиональной подготовки служителей мусульманского культа, развитие религиозного образования, увеличение количества мечетей и молельных домов, стремление к легализации их юридического статуса демонстрируют превращение мусульманского сообщества Грузии в некую сплоченную, активно действующую структуру. Среди слоев образованных мусульман, как светских, так и духовных деятелей, формировалась потребность в создании автономного Духовного управления мусульман Грузии.

В результате серьезной подготовительной работы в мае 2011 г. в Грузии была учреждена неправительственная организация Управление мусульман Грузии (УМГ). В состав руководства УМГ вошли: главный муфтий Грузии Джемал Паксадзе, шейх мусульман Грузии Вагиф Акперов и главный имам Ясин Алиев. Одной из приоритетных целей вновь созданной структуры стал контроль над деятельностью исламской общины, мечетей и религиозных образовательных учреждений Грузии.

Под патронажем и при поддержке Турции и Ирана, по инициативе представителей местных мусульман в стране открылись медресе и строятся новые мечети. В начале текущего столетия в Грузии насчитывалось от 300 до 390 действующих мечетей и молитвенных домов. Действуют два шиитских медресе: в Тбилиси (для девушек) и Марнеули (для юношей) и суннитское медресе для юношей в с. Меоре Кесало. Это обусловлено историческим прошлым, когда фиксировалось соперничество за религиозное влияние между Турцией и Ираном. Оно вновь усилилось после ослабления позиций России в регионе. Традиционным районом интересов Турции в Грузии является Аджария. В Квемо Картли,

где большинство мусульманского населения составляют азербайджанцы-шииты и сунниты, ощущается влияние Ирана и иранского шиитского духовенства. В Кахетии не последнюю роль в исламизации играют республики Северного Кавказа.

В Западной Грузии 55 религиозных учебных заведений функционируют при мечетях, одно при молитвенном доме, а 19 медресе имеют собственные здания. В обозримом будущем возможно появление в Грузии высшего мусульманского учебного заведения.

С начала 2000-х годов в стране функционируют шиитские исламские культурные центры «Ахл ал-бейт» и «Иман», которые занимаются просветительской деятельностью, издают журналы и необходимую для мусульман догматическую литературу на азербайджанском и грузинском языках.

Ситуация, связанная с развитием «исламского фактора» на *Северном Кавказе*, подробно описана во многих монографиях и исследованиях отечественных и зарубежных ученых, нашла отражение в том числе и в работах автора настоящей статьи¹.

Что касается *Крыма*, вернувшегося в состав Российской Федерации в 2014 г., то следует отметить, что крымско-татарское движение на полуострове не представляет собой монолита, оно разобщено на ряд этнических и конфессиональных группировок. Радикалы составляют меньшинство крымских татар, однако активны и поддерживаются внешними силами. При этом в их деятельности наблюдается сращивание этнического и конфессионального факторов, что усиливает воздействие этноконфессионального фактора на политические процессы в среде крымских татар.

После присоединения Крыма к России фиксируется активизация деятельности радикальных крымско-татарских организаций исламистской и националистической направленности. Среди этих организаций специалисты называют Милли Меджлис, а также исламистские организации, группировки и секты – Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), Хизб ут-Тахрир, «ваххабиты»,

¹ См., например: *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. – М. – Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014; *Добаев И.П.* Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: Влияние экзогенного фактора // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2012. – № 10. – С. 13–20; *Сабиров В.Ш., Соина О.С., Щекотин Е.В., Добаев И.П.* и др. Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография / Науч. ред. В.Ш. Сабиров. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. – С. 224–248.

нурсисты, голеновцы, «Братья-мусульмане», представленные организацией «Ар-Райд» и др.¹

Милли Меджлис Крыма, который располагается за пределами территории Крыма, по оценкам специалистов, реально поддерживает не более 20% крымских татар, сегодня претендует на право представлять всех крымских татар, сохраниться в качестве представительного органа всего крымско-татарского народа. Его председателем является Рефат Чубаров, а реальным лидером – Мустафа Джемилев, одновременно являющийся депутатом Верховной Рады Украины. Наиболее активные члены этой структуры – Ахтем Чайгоз, Ленур Ислямов, Ремзи Ильясов, Эмиралли Аблаев (он же муфтий ДУМК). Милли Меджлис и его лидеры поддерживаются различными американскими, европейскими, турецкими фондами и организациями, развивают отношения с нынешними украинскими властями. Как следствие, лидеры Милли Меджлиса и поддерживающая их радикальная часть крымских татар продолжают выступать с радикальными, провокационными, откровенно антироссийскими заявлениями и требованиями, не реализуемыми в современном российском политическом пространстве. Среди таких требований – придание Республике Крым статуса национально-территориальной автономии; принятие законов, гарантирующих эффективное представительство крымских татар, избираемых самими крымскими татарами, в органах законодательной и исполнительной власти Республики Крым; признание курултая и меджлиса, включая их районную и местную сеть, представительными органами коренного народа Крыма и т.д. В то же время, существуя де-факто, Милли Меджлис де-юре не признавался украинскими властями, и в настоящее время действует вне правового поля России. Тем не менее на него замыкается деятельность ряда радикальных исламских организаций.

Наиболее известным среди них является Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК) во главе с муфтием Эмиралли Аблаевым, которое полностью контролируется лидерами Меджлиса. ДУМК контролирует деятельность порядка 300 мусульманских общин полуострова, не менее половины из них находятся под влиянием радикалов, в идеологической и практической деятельности ориентирующихся на зарубежные исламистские группировки. Финансирование ДУМК в определенной мере осуществляется

¹ Усманов Ленур. Крым: Взгляд изнутри. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitica.ru> (Дата обращения: 24.06.2014.)

международной организацией «Братья-мусульмане» через их дочернюю структуру «Ар-Раид», созданную на территории постсоветской Украины.

«Ар-Раид» – сетевая организация, дочерняя группировка международной ассоциации «Братья-мусульмане». Ее структуры имеются во многих областях Украины, а также в Крыму. Разветвленные внешние связи, наличие собственного бизнеса позволяют ей концентрировать значимые средства, финансировать другие организации, среди которых наши источники называют Милли Меджлис, ДУМК, а также «хизбовцев». Организация, как и все «братья» в других регионах мира, активно работает с молодежью: поддерживает различные молодежные организации, финансирует деятельности радикальных СМИ, организовывала антироссийские акции на Украине, в том числе мероприятия на киевском «майдане». Поддерживает связи с другими радикальными исламистскими группировками на Украине и в Крыму.

Радикальные исламистские структуры в Крыму активно осуществляют идеолого-пропагандистскую деятельность, распространяя положения своих идеологических доктрин среди потенциальных adeptов. В этих целях используются подконтрольные им СМИ, в том числе интернет-ресурсы.

Сращивание Милли Меджлиса и ДУМК позволяет их лидерам практически контролировать все радикальные националистические и исламистские группировки крымских татар. ДУМК, как и Милли Меджлис, не признаёт факта воссоединения Крыма с Россией.

В то же время специалисты подчеркивают, что Милли Меджлис не представляет всех крымских татар, а ДУМК не является единственной религиозной структурой в Крыму, замыкающей на себя всех крымских мусульман. Существует, например, и другая структура – хабашитский Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК, муфтий – Ридван Велиев), – которая противостоит ДУМК. Несмотря на сложные процессы в ДЦМК, Р. Велиев и его единомышленники активно декларируют свое негативное отношение к политизации и радикализации исламского движения в Крыму.

Таким образом, ислам в Черноморско-Каспийском регионе не выступает монолитом, он калейдоскопичен, расколот на направления, толки, братства, секты, религиозно-политические группировки, политизированные идейные течения. Фиксируется и радикальная составляющая, что требует дальнейшего отслеживания

и осмысления процессов, имеющих место в указанном геополитическом пространстве.

Статья написана специально для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

Сулейманов Р.В.,
студент 2-го курса магистратуры
факультета мировой политики МГУ
имени М.В. Ломоносова
**ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

***Аннотация.** Автор рассматривает роль турецкого фактора в становлении азербайджанской государственности. Описана история контактов азербайджанцев и турок начиная примерно с XI–XII вв. и до наших дней. Особое внимание уделяется роли Османской империи в становлении, а затем уничтожении Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920), а также взаимоотношениям между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой на современном этапе.*

***Ключевые слова:** Азербайджан; Турция; независимость; государственность; азербайджано-турецкие отношения.*

В 2018 г. в Азербайджане широко отмечались сразу несколько вековых юбилеев событий, которые в той или иной степени сегодня важны для самосознания азербайджанского народа¹, а также для современной азербайджанской государственности в целом. Среди всех памятных дат 1918 г. особое место занимали провозглашение независимости Азербайджанской Демократической Республики (АДР) (28 мая) и вхождение в Баку Кавказской исламской армии (далее – «Исламской армии») во главе с турецким полководцем Нури-пашой (15–17 сентября).

¹ Здесь следует оговориться, что речь идет о представителях исторического Северного Азербайджана – территории, сформированной по результатам подписанных между Российской империей и Персией Гюлистанского мирного договора (1813) и Туркманчайского мирного договора (1828). Сегодня это фактически территория современной Азербайджанской Республики (АР). Исторический Южный Азербайджан в наше время представляет собой останы (провинции) Ардебиль, Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан в составе Исламской Республики Иран (ИРИ).

Если первое символизирует преемственность азербайджанской государственности от просуществовавшей 23 месяца (до 28 апреля 1920 г.) АДР до нынешней Азербайджанской Республики (АР), образованной вследствие распада СССР, то память о втором событии призвана показать ту сильную роль, которую сыграла Турция (тогда еще Османская империя) в становлении первого на мусульманском Востоке демократического государства.

На военном параде 15 сентября 2018 г. в центре Баку присутствовал и президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган, который, выступая перед высокопоставленными лицами и военными обоих государств, отметил, что Азербайджан и Турция – «две братские страны», у которых «одна история, одна культура, один язык и одна религия». По его словам, освобождение Баку войсками «Исламской армии» 100 лет назад как ничто другое «символизирует братство, дружбу, единство и общность» двух народов. «То, что радость для Азербайджана, – это и наша радость; гордость [для Азербайджана] – это и наша гордость; горе, волнение, проблема [для Азербайджана] – это и наша проблема», – резюмировал турецкий лидер¹.

Президент Азербайджана Ильхам Алиев в своем выступлении также подчеркнул нерушимость братских уз между двумя народами. «Мы были вместе сто лет назад, вместе мы и сегодня», – сказал он².

И Эрдоган, и Алиев в своих речах традиционно отметили немалые успехи, достигнутые двумя странами за последние годы в военной, политической, экономической, культурной и других сферах. Оба лидера также напомнили, что первым государством, признавшим независимость Азербайджана в 1991 г., была именно Турция.

В данной статье мы рассмотрим, чем исторически обусловлена такая близость двух государств. Всегда ли на протяжении истории азербайджано-турецкие отношения были на столь высоком уровне? И самое главное – почему руководству закавказской республики так важна память о роли Турции в становлении современного независимого Азербайджана?

¹ <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/98629/baku-nun-kurtulusunun-100-yil-donumu-torende-yaptiklari-konusma>

² <https://president.az/articles/29993>

Тернистый путь к единению

Как известно, до 1918 г. история не знала азербайджанского государства в чистом виде. Имеем в виду государство, в котором на официальном уровне азербайджанцы декларировались бы как титульная нация. В данном контексте будет не лишним напомнить, что утверждение принципа государств-наций в мирополитической системе стало происходить только примерно с середины XVII в., т.е. после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648).

На протяжении всей истории до момента создания АДР азербайджанцы были составной частью тех или иных государств или протогосударственных образований, во многих из которых даже не было ярко выраженной титульной нации.

В национальной историографии отсутствует единое мнение об этногенезе азербайджанского народа. В советские годы, особенно после окончания Второй мировой войны, господствовала концепция мидийского происхождения азербайджанского этноса¹, согласно которой его этногенез происходил на территории существовавшего в VII–VI вв. до н.э. ираноязычного Мидийского царства (предшественник Персии и современного Ирана), которое даже можно отнести к первому азербайджанскому государству. Главный аргумент этой концепции сводится к тому, что значительная часть территории этого государственного образования находилась на землях современного Южного Азербайджана.

Позднее в советском Азербайджане, а затем и в АР стала популярной концепция об исключительно тюркском происхождении азербайджанского этноса. Согласно этой идее, Мидию неправильно считать азербайджанским государством, поскольку ее язык нельзя отнести к тюркской языковой семье.

По мнению Э.Р. Исмаилова, обе концепции весьма уязвимы. Во-первых, идея поиска истоков азербайджанского языка, пусть и в исчезнувшем, но явно не тюркском, сама по себе выглядит довольно абсурдной. Во-вторых, дошедший до нас в письменных

¹ Мидийская концепция получила большое распространение на фоне борьбы с пантюркизмом, а также присоединения Турции к идеологически враждебному Советскому Союзу блоку западных стран – в 1952 г. Турция стала членом НАТО.

свидетельствах нетюркский язык маловероятно был языком всех населявших Мидию племен¹.

О первых взаимоотношениях между предшественниками современных турок и азербайджанцев более-менее отчетливо можно говорить с момента возрастания тюркского элемента на Ближнем и Среднем Востоке. Процесс тюркизации региона был фактически подытожен проникновением в него огузских племен в XI–XII вв. Ряд азербайджанских историков убеждены, что тюркский элемент имел распространение на территории современного Азербайджана еще задолго до проникновения огузов. В частности, З.М. Буниатов утверждал, что «ошибочно считать турков пришлым элементом в Азербайджане, поскольку тогда приходится закрывать глаза на присутствие очень больших и влиятельных тюркских объединений на более ранних этапах»².

Отношения между турками, проживавшими в Османской империи, и азербайджанцами, населявшими различные государства на территории современного Северного Азербайджана и Южного Азербайджана (Государство Ширваншахов, Государство Ильдегизидов (Атабеков), Государство Каракоюнлу, Государство Аккоюнлу и др.) в период позднего Средневековья и в начале Нового времени были довольно непростыми, зачастую даже враждебными. Населяя государства, соперничающие между собой, предшественники современных турок и азербайджанцев были разделены с точки зрения идеологии, культуры, языка и даже религии³.

Апогеем этой разобщенности двух народов можно считать противостояние Османской империи и государства Сефевидов (1501 г. – середина XVIII в.)⁴. Между двумя странами с небольшими

¹ *Исмаилов Э.Р.* Очерки по истории Азербайджана. – М.: Флинта, 2010. – С. 21–22.

² Цит. по: *Исмаилов Э.Р.* Очерки по истории Азербайджана. – М.: Флинта, 2010. – С. 46.

³ Как известно, мусульмане Османской империи в массе своей были приверженцами ислама суннитского толка, а в тех государствах, где проживали азербайджанцы, господствовала шиитская версия самой молодой мировой религии.

⁴ Между иранскими и азербайджанскими историками нет единого мнения по вопросу происхождения династии Сефевидов и Сефевидского государства в целом. Позиции многих специалистов зачастую сводятся к этнизации Сефевидского государства – иранского, с одной стороны, или азербайджанского, соответственно, – с другой. Примечательно, что, например, в современных иранских учебниках по истории утверждается, что основатель Сефевидской империи шах Исмаил I (1487–1524) сыграл огромную роль в объединении иранского этноса; в азербайджанских учебниках шаху Исмаилу I приписываются те же заслуги,

передышками шла перманентная борьба за сферы влияния в регионе.

Отголоски того противостояния слышны и сегодня. В частности, в популярном (в том числе и в России) турецком историческом сериале «Великолепный век» сефевидские правители, в частности шах Тахмасиб I (1514–1576), представлены довольно трусливыми и слабыми на фоне того же султана Османской империи Сулеймана I (1494–1566). В связи с этим ряд азербайджанских историков выступают с резкой критикой подобной интерпретации азербайджано-турецких взаимоотношений в ту историческую эпоху. В частности, директор Института истории Академии наук Азербайджанской Республики Я.М. Махмудов считает «Великолепный век» «большим оскорблением как в отношении турецкой истории, так и в отношении азербайджанской истории»¹.

В то же время, помимо многочисленных войн за ресурсы и сферы влияния, по дошедшим до нас письменным источникам мы можем свидетельствовать о торгово-экономических отношениях между турками и азербайджанцами в то время, которые, однако, также были весьма непростыми. Примерно в конце XV в. в Европе с развитием раннекапиталистических отношений резко возрос спрос на шелк-сырец (в частности, на венецианских шелкоткацких предприятиях), который в тот момент в большом количестве добывали в Государстве Аккоюнлу (1468–1501)². Между тем политика султана Османской империи Мехмеда II (1432–1481) была направлена на то, чтобы шелк-сырец, поставляемый с Востока в европейские страны, обрабатывался в Турции, чтобы таким образом Османская империя фактически становилась ключевым экспортером этого востребованного у европейского потребителя товара. В наши дни подобная практика используется Турцией в отношении энергоресурсов. К примеру, Анкара уже на протяжении многих лет закупает у Баку природный газ по самым выгодным для себя условиям и по ценам значительно ниже рыночных

но в отношении азербайджанского этноса (ср. Тарих-е Иран уа Джихан (2) (на перс.). Ширкят-е Чап уа Нэшр-и Китабха-и Дерси Иран. – Тегеран, 2013. – С. 103 и Azərbaycan tarixi 7-ci sinif. Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi. – Bakı, 2014. – S. 117–118).

¹ <https://az.trend.az/azerbaijan/society/2080000.html>

² *İ.M. Məmmədov. Azərbaycan tarixi (Ali məktəblər üçün dərslik). «Adiloğlu» nəşriyyatı. – Bakı, 2005. – S. 192–196.*

(примерно на 30%)¹, что позволяет Турции оставаться одним из ключевых поставщиков углеводородов для европейского потребителя.

В XVI в. начинается активное сближение Сефевидской империи с Россией. Оба государства искали союзников для противостояния Османской империи, которая в тот период находилась в зените своего могущества. Конфессиональные различия не были препятствием для Москвы и Исфагана в противостоянии общему врагу. Тем не менее дружественные отношения между двумя государствами переросли в не более чем укрепление торгово-экономических связей² – создать полноценный военный союз не удалось³.

После падения Сефевидской империи в первой половине XVII в. на ее осколках образовалось несколько феодальных государств (ханств). После изнурительных междоусобных войн к концу XVIII столетия в Иране укрепилась династия Каджаров во главе с Ага Мохаммад-ханом (1742–1797). Он одержал верх над другими претендентами на шахский престол и сумел подчинить себе большую часть Ирана, включая территории современных Северного Азербайджана и Южного Азербайджана⁴.

В этот же период активизируется политика Российской империи на Кавказе. Еще в эпоху Петра I (1672–1725), когда Россия начала активно развивать собственный флот и завоевывать себе статус морской державы, не в последнюю очередь взоры империи пали на Каспий.

С присоединением Северного Азербайджана в начале XIX в. Россия стала активно привлекать азербайджанцев в те войны, которые она на тот момент вела. В частности, как отмечает Т. Светоховский, империя использовала суннитско-шиитские противоречия, благодаря которым азербайджанцев удалось привлечь

¹ <https://www.sabah.com.tr/ekonomi/2015/10/23/turkiyeye-10-milyar-dolar-zarar-ettilidigi-iddiasina-yalanlama>

² Как отмечает П.П. Мельгунов, «отношения между Ираном и Россией были настолько дружескими, что после смутного времени (начало XVII в.), когда нуждающиеся в деньгах русские обратились за долгом к соседним государствам, откликнулись лишь Сефевиды и отослали в Россию известное количество золота и серебра» (см.: Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли XVI–XVII вв. – М., 1905. – С. 224).

³ Наджафли Т. Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI–XVII вв. Вопросы истории. – 2015. – № 4. – С. 122–136.

⁴ Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке. – М.: Наука, 2014. – С. 559.

для противостояния Турции (как минимум, в Русско-турецкой войне (1828–1829) и в Крымской войне (1853–1856)), а также для подавления антироссийского движения, распространявшегося в Дагестане¹.

Присоединение к Российской империи также способствовало формированию азербайджанской интеллигенции, которая во второй половине XIX столетия занялась поисками самосознания. Этот процесс был во многом стимулирован распространением в империи движения пантюркизма, одним из пионеров которого был крымский татарин Исмаил Гаспринский (1851–1914). В своей газете «Терджюмен» («Переводчик»), выходящей с 1883 г. в Бахчисарае², он проповедовал единство всех тюрков Российской империи. Первым шагом на пути единения всех тюрков, по мнению Гаспринского, должно было стать создание единого литературного языка, приемлемого для всех тюрков, – от Балкан до Китая. Таким языком, по его словам, мог стать стамбульский диалект турецкого языка, т.е. официальный язык Османской империи, на котором, собственно, и издавался «Терджюмен».

В Азербайджане подобные попытки османизации в основном подвергались критике за искусственность. В частности, журнал «Кешкюль» впервые разграничил понятия национальности и местной религиозной общины, обозначившиеся в тот период единым словом «миллет». Издание предлагало понятие «азербайджанские тюрки» для обозначения народа, проживающего по обе стороны российско-иранской границы³.

В самой Турции большое влияние на интеллектуальную жизнь оказывали выходцы из России, в основном татары и азербайджанцы, которые возглавили движение пропаганды пантюркизма. В частности, азербайджанец Али-бей Гусейнзаде (1864–1940) сформулировал лозунг «Тюркизация. Исламизация. Европеизация», который впоследствии был модифицирован турецким мыслителем и одним из идеологов пантюркизма Зиёй Гёкальпом

¹ *Swietohowski T.* Russian Azerbaijan. 1905–1920. The shaping of National identity in a Muslim community Cambridge University Press. – Cambridge, 1985. – P. 8–10.

² Спонсорскую поддержку этому изданию, в частности, оказывал азербайджанский миллионер и меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев (1823–1924).

³ *Сафаров Р.Ф.* Азербайджанцы между мусульманской уммой и их национальной идентичностью. II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: Единство традиции и обновления. М.: Медина, 2016. – С. 355–356.

(1876–1924). В Азербайджане эти три слова станут основой трехцветного флага независимой республики.

Таким образом, к началу XX в. происходило постепенное сближение азербайджанцев и турок на основе идей пантюркизма, построения единой тюркской нации с общим языком на пространстве Турана – обширной территории от Анатолийского полуострова до Китая. В Азербайджане отчасти выразителем этих идей стала партия националистической направленности «Мусават» во главе с Мамед Эмином Расулзаде (1884–1955), которому было суждено стать одним из основателей первого независимого азербайджанского государства.

Роль Турции в становлении, а затем уничтожении АДР

С первых дней своего возникновения (28 мая 1918 г.) одной из ключевых задач АДР было налаживание отношений с Османской империей. Формирование турецко-азербайджанского военно-политического альянса, длившегося с мая по ноябрь 1918 г., было легализовано 4 июня Договором о мире и дружбе. В четвертой статье данного соглашения подчеркивалось, что в случае возникновения угрозы безопасности руководство Османской империи берет на себя обязательство «оказать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики»¹.

Важно отметить, что Турция официально не ратифицировала этот документ и до конца сентября не признавала Азербайджан независимым государством². По словам Т. Светоховского, «турки рассматривали Восточное Закавказье как часть образующейся Туранской империи, в которую, кроме того, должны были войти Северный Кавказ, северная часть Персии и Туркестан»³.

Так или иначе в конце мая 1918 г. в Гяндже при непосредственном участии турецких офицеров была сформирована «Исламская армия», в которую вошли части двух турецких дивизий –

¹ Цит. по: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). Издательство «Элм». – Баку, 1998. – С. 16.

² *Мустафа-заде Р.С.* Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922. – М.: МИК, 2006. – С. 112.

³ *Swietohowski T.* Russian Azerbaijan, 1905–1920. The shaping of National identity in a Muslim community Cambridge University Press. – Cambridge, 1985. – P. 130.

5-й Кавказской и 15-й Чанахгалинской, а также «Особый Азербайджанский корпус». Численность турецкого контингента в итоге составила примерно 15 тыс. штыков и сабель, азербайджанских частей – около 5 тыс.¹ В результате военных действий в течение лета – начала осени 1918 г. азербайджано-османской армии удалось освободить всю территорию Азербайджана. Кульминацией тех событий стало освобождение Баку 15–17 сентября, находившегося в тот момент под властью правительства Диктатуры Центрокаспия, опиравшегося на блок социал-демократов, правых эсеров и правых дашнаков.

Несмотря на успехи на кавказском фронте, положение Османской армии и ее союзников на других направлениях было катастрофическим: одна за другой терялись позиции в Палестине, Сирии, на Балканах. В результате уже 30 октября Турции фактически пришлось признать свое поражение в Первой мировой войне, что и было зафиксировано в Мудросском перемирии, одна из статей которого гласила, что державы Антанты берут под свой контроль железнодорожное сообщение в Закавказье и оккупируют Баку, а Турция обязуется вывести оттуда свои войска².

Унизительное поражение в Первой мировой войне и в целом острый социально-политический кризис, охвативший Турцию в тот период, требовали от ее руководства искать союзников. Фактически единственной страной, с которой у кемалистской Турции тогда совпадали стратегические устремления, была Советская Россия.

Независимый Азербайджан, с первого дня своего существования находившийся в окружении целого кольца врагов, стал разменной монетой для Москвы и Анкары, преследовавших свои корыстные интересы в регионе. Как отмечает Р.С. Мустафа-заде, «не сумев “экспортировать” мировую революцию на Запад, большевики сделали ставку на распространение своего влияния на Восток, прежде всего в Турцию и Иран»³. Роль Азербайджана рассматривалась не только как коридор, способный соединить Турцию и Россию, но и как сырьевая база для поддержки дальнейшей большевизации Турции. «Общность целей в упрочении своих региональных позиций и взаимная заинтересованность в поддержке

¹ Мустафа-заде Р.С. Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922. – М.: МИК, 2006. – С. 34.

² Там же. – С. 47.

³ Там же. – С. 131.

друг друга привели к тому, что в Азербайджане и Москва, и Ангора (ныне Анкара) заговорили на одном “геополитическом языке” и уже не нуждались в услугах “азербайджанских переводчиков”, – подчеркивает Р.С. Мустафа-заде¹.

В день открытия Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ), состоявшегося 23 апреля 1920 г. (за пять дней до ликвидации АДР) в Анкаре, Мустафа Кемаль (1881–1938) потребовал от Баку «пропуска советских войск к границам Турции для обороны их от английских нападений»².

Несколько дней спустя – 26 апреля – М. Кемаль в своем обращении к советскому правительству, помимо предложения установить дипломатические отношения с Советской Россией, пообещал «заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств»³.

На руку большевикам был и тот факт, что немалая часть турецкого офицерства, находившаяся в Азербайджане, была априори настроена на смену власти в этой молодой республике. По словам Т. Светоховского, «турецкие офицеры с нетерпением ждали смены власти в Баку, так как появление Советского Азербайджана сблизило бы ленинскую Россию с исламской Турцией. Преобладание таких настроений среди офицерского корпуса ускорило деморализацию солдатских рядов»⁴.

К 27 апреля войска 11-й армии большевиков практически беспрепятственно прошли через всю территорию Азербайджана с севера на юг и почти полностью заняли столицу АДР – Баку. В ночь с 27 на 28 апреля парламент АДР под председательством М.Э. Расулзаде принял решение о передаче власти большевикам. Окончательная оккупация Баку и всего Азербайджана была завершена к маю – началу июня 1920 г., хотя и в некоторых уездах очаги сопротивления сохранялись на протяжении всего 1920 г.

Говоря о противоречивом характере турецко-азербайджанского союза, Т. Светоховский подчеркивает, что «пантюркизм как

¹ Мустафа-заде Р.С. Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922. – М.: МИК, 2006. – С. 130.

² Цит. по: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт (документы, мнения, размышления). – М., 2000. – С. 368.

³ Цит. по: Мустафа-заде Р.С. Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922. – М.: МИК, 2006. – С. 132.

⁴ Swietohowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920. The shaping of National identity in a Muslim community Cambridge University Press. – Cambridge, 1985. – P. 177.

идеология существенно способствовал росту национального самосознания, и азербайджанцы всё больше осознавали свою принадлежность к тюркским народам, однако протурецкая ориентация не совсем сочеталась с устремлениями (руководства АДР. – *Прим. авт.*) самостоятельно управлять делами своей страны»¹.

Еще в 1919 г. М.Э. Расулзаде, известный своими симпатиями к Турции, выступая в азербайджанском парламенте, сказал: «Мы знали, что наш народ имеет одни привычки – особый уклад жизни, а турки – другой. И если бы Константинополь хотел управлять Баку, то Баку пошел бы против Константинополя»².

«Одна нация – два государства»

Говорить об азербайджано-турецких контактах в период существования СССР довольно проблематично, поскольку они напрямую зависели от отношений между Москвой и Анкарой. Как уже отмечалось выше, эти отношения, особенно после Второй мировой войны, были весьма непростыми. Прямые контакты между Турецкой Республикой и Азербайджанской ССР фактически отсутствовали.

Распад СССР и обретение независимости побуждали руководство Азербайджана, как и других новообразованных республик, обращаться в прошлое с целью конструирования собственной идентичности, как бы продолжая те традиции государственности, которые были заложены почти 100 лет назад.

Одним из наиболее ярких выразителей идей новой азербайджанской государственности и идентичности азербайджанского народа был лидер «Народного фронта Азербайджана» (НФА), второй президент республики Абульфаз Алиев (1938–2000), более известный как Эльчибей, пришедший к власти в июне 1992 г. Он считал азербайджанцев тюрками, а азербайджанский язык – диалектом анатолийского турецкого. Вину за изменение названия языка он возлагал на И.В. Сталина (1878–1953)³.

¹ *Swietohowski T.* Russian Azerbaijan. 1905–1920. The shaping of National identity in a Muslim community Cambridge University Press. – Cambridge, 1985. – P. 130.

² Цит. по: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент (стенографические отчеты). Издательство «Элм». – Баку, 1998. – С. 165.

³ *Агаев Р., Али-заде З.* Азербайджан. Конец Второй республики. (1988–1993). – М.: Граница, 2006. – С. 591.

Как отмечает З.М. Али-заде, за время годичного правления НФА Турция, самой первой признавшая независимость Азербайджана¹, «начала постепенно осваивать место “старшего брата”, добровольно оставленное Россией»².

Протурецкая ориентация Азербайджана, хотя и не столь откровенная, была продолжена и пришедшим к власти в стране в 1993 г. Гейдаром Алиевым (1923–2003), которому приписывают актуальную и по сей день формулу взаимоотношений Баку и Анкары – «Одна нация – два государства». В Азербайджане, в частности, надеялись на военную помощь со стороны Турции в разрешении нагорно-карабахского конфликта, чего, однако, не произошло. Тем не менее азербайджанское руководство продолжало укреплять торгово-экономические, военные и другие связи именно с суннитской Турцией, а не, скажем, с шиитским Ираном, где сегодня проживают порядка 30 млн этнических азербайджанцев. По мнению Р. Мотика, плохая репутация Ирана в Азербайджане обусловлена, как минимум, следующими тремя факторами: наследие антииранской пропаганды во времена СССР, дружественные отношения Тегерана с Ереваном, непривлекательность иранской модели построения государства, основанной на религиозных догматах³.

Несмотря на демонстрируемое лидерами двух стран единство, между Баку и Анкарой сохраняется немало противоречий по ряду внешнеполитических вопросов. Так, Азербайджан не признает независимость Косова, солидаризовавшись с Сербией, в то время как Турция была одной из первых, кто встал на сторону албанцев-косоваров. В 2003 г. Баку поддержал военную интервенцию США в Ирак и даже выделил небольшой военный контингент, в то время как Анкара отказала Вашингтону даже в пропуске войск через свою территорию. Из-за нерешенности нагорно-карабахской проблемы Азербайджан не признает независимость Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК).

¹ Это произошло 9 декабря 1991 г., т.е. уже на следующий день после подписания Беловежских соглашений.

² Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец Второй республики. (1988–1993). – М.: Граница, 2006. – С. 597.

³ Raoul Motika. Islam in Post-Soviet Azerbaijan. Archives de sciences sociales des religions. Islam et politique dans le monde (ex-)communiste. Juillet-septembre, 2001. – P. 113.

Как пишет Р.Н. Мусабеков, «настоящим испытанием на прочность азербайджано-турецкого партнерства» стало подписание в октябре 2009 г. так называемых Цюрихских протоколов о нормализации отношений между Турцией и Арменией¹. В Баку это событие восприняли крайне негативно и пригрозили Анкаре пойти на пересмотр условий по поставкам энергоносителей². Между двумя странами на короткий период началась так называемая «война флагов», когда сначала в турецкой Бурсе 14 октября во время футбольного матча между сборными Турции и Армении было запрещено пронести на стадион азербайджанские флаги, а затем 21 октября в Баку были спущены турецкие флаги, что привело к взаимному обмену нотами между внешнеполитическими ведомствами двух стран. В итоге непродолжительный конфликт удалось нивелировать, а Анкаре отказаться от сближения с Ереваном.

Таким образом, после нескольких веков соперничества и вражды, только к концу XIX – началу XX в. началось постепенное сближение азербайджанского и турецкого народов на фоне распространения идей пантюркизма, охвативших тогда Османскую империю и некоторые мусульманские народы Российской империи. Турецкий фактор играл не последнюю роль в становлении азербайджанской государственности как в 1918 г., так и уже в 1990-е годы. Между тем заинтересованность турок в ликвидации АДР в 1920 г., нежелание Турции участвовать в полномасштабной войне на стороне Азербайджана в войне за Карабах в 1991–1993 гг., ситуация вокруг Цюрихских протоколов 2009 г., непризнание Азербайджаном ТРСК, наличие других разногласий по международным вопросам между Баку и Анкарой демонстрируют, что обе стороны в первую очередь руководствуются собственными интересами и существующей внешнеполитической конъюнктурой, а не стремлением всегда и во всем соответствовать вышеупомянутому принципу «Одна нация – два государства».

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ <http://www.globalaffairs.ru/number/Na-styke-polei-prityazheniya-15230>

² http://www.anl.az/down/meqale/azerbaycan/azerbaycan_oktyabr2009/92928.htm

Дмитриева Е.Л.,
старший научный сотрудник (ИНИОН РАН)
**ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ
И ПОГРАНИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ
(Обзор)**

Аннотация. В обзоре рассматриваются проблемы границ в Центрально-Азиатском регионе. Пограничные вопросы имеют давнюю историю и после распада СССР стали актуальными для новых независимых государств региона, так как явились источником этнотерриториальных споров и конфликтов. Проблема осложняется тем, что до настоящего времени полностью не проведены делимитация и демаркация границ между странами Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; этнический анклав; спорные территории; делимитация и демаркация границ; конфликт; территориальные притязания; геополитическая нестабильность; Казахстан; Киргизия; Таджикистан; Туркменистан; Узбекистан.

Введение

В обзоре рассматриваются этнотерриториальные проблемы и погранично-территориальные конфликты между центрально-азиатскими государствами. Актуальность темы определяется тем, что территориальный вопрос является на данный момент ключевым фактором в системе региональной политики.

После распада СССР в Центральной Азии на месте бывших союзных республик появились независимые государства – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. К сожалению, они так и не сумели за прошедшую четверть века выстроить добрососедские отношения друг с другом, договориться о границах и создать единое политическое, экономическое и культурное пространство. Сегодня продолжается процесс деградации межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе, и одной из причин этого является нерешенность территориального вопроса.

С момента обретения независимости между центрально-азиатскими республиками бывшего СССР обострились этнотерриториальные конфликты, а приграничные районы превратились в опасную зону, так как установленные еще в советский период

границы, в прошлом имевшие формальный характер в рамках единого государства, сегодня перестали устраивать новые независимые государства. Споры по вопросам делимитации и демаркации границ нередко приводят к вооруженным конфликтам на приграничных территориях, причем круг участников конфликтов постоянно расширяется – в них вовлекаются не только жители приграничных областей, но и пограничные службы, силы МВД, администрация районов, различные организации, не говоря уже о криминальных структурах.

К настоящему моменту из всех ныне существующих независимых государств в Центральной Азии вопрос о делимитации сухопутных границ с сопредельными странами решили только Туркменистан и Казахстан. Самое большое количество территориальных споров, приводящих к приграничным вооруженным конфликтам, возникло между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном, имеющих общую границу в районе Ферганской долины, где наблюдается тяжелая социально-экономическая ситуация (высокая плотность и быстрый рост населения, дефицит сельхозугодий, недостаток водных ресурсов), а также сильны позиции сторонников исламского радикализма.

История территориальных споров и этнические анклавы

Алманов С.К. Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. М., 2018. Т. 1. № 5. С. 451–460.

Автор статьи, анализируя причины современных территориальных конфликтов, рассматривает данный вопрос в тесной связи с историей возникновения этнических анклавов в Центральной Азии.

Исследователь отмечает, что наибольшее количество спорных моментов при определении границы возникает на территориях, прилегающих к этническим анклавам. Трудности при согласовании линии прохождения границы у анклавов обусловлены в свою очередь сложной историей формирования административных границ во время процесса национально-территориального деления в начале 20-х годов прошлого века. В этот период процесс обозначения границ между республиками основывался не только на представлениях об условности и формальности границ в рамках

единого на тот момент государства, но и на ряде других принципов. Автор предлагает классификацию данных принципов и дает характеристику каждому из них.

1. *Принцип определения границы по национальному признаку.* Автор пишет, что в условиях жизни народов Средней Азии тех лет применение данного принципа требовало учета специфики образа жизни кочевых народов, которые, составляя подавляющее большинство населения местности в одно время года, оказывались меньшинством среди оседлых народов в другое. Однако в то время эти моменты учитывались не всегда. И поэтому, например, некоторые чисто киргизские районы вошли в состав узбекских территорий, формируя таким образом этнический анклав.

2. *Принцип фактического пользования местностью на момент определения границ.* По мнению автора, решающим признаком фактического землепользования тогда считалось лишь оседлое орошаемое земледелие и не учитывались интересы народов, ведущих кочевой образ жизни, что привело к неправильному распределению территорий для проживания тех или иных народов.

3. *Принцип экономической целесообразности,* связанный с ликвидацией хлопковой зависимости СССР, делал упор на развитие именно этой отрасли сельского хозяйства в ущерб другим.

4. *Принцип недопущения чрезмерных чересполосиц, крутых изгибов при нанесении границ и вкраплений в чужие территории.* Данный принцип применялся, как считает автор, не совсем правильно и привел к появлению этнических анклавов, которых особенно много на территории Ферганской долины.

Споры о границах между центральноазиатскими республиками шли на протяжении всего периода существования СССР, но так и не были решены к моменту его распада. Некоторые районы продолжали переходить из одной республики в другую, при этом изменялась линия границы, другие районы предоставлялись во временное пользование соседней республике, что было связано с попыткой урегулировать вопросы землепользования, но в результате привело лишь к обострению конфликта в будущем. В настоящее время приграничные территориальные притязания приобрели острый, конфликтный характер, и вопрос о границах стал одним из спорных моментов на межгосударственном уровне.

При решении проблемы делимитации и демаркации границ в Центрально-Азиатском регионе автор статьи предлагает делать упор на комплексное разрешение проблемы при приоритетности равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступ-

чивости. В качестве важной составляющей процесса достижения взаимоприемлемого решения пограничного вопроса автор предлагает создание международно-правовой базы для превентивного поиска решения по взаимовыгодному и рациональному использованию приграничных природных и коммуникационных ресурсов. Цивилизованные условия для жизнедеятельности населения в анклавах и их окрестностях, по мнению автора, можно создать только принятием сторонами соглашения о режиме анклавов, максимально учитывающего интересы каждой стороны.

Территориальные притязания как внутренний фактор конфликтов в Центрально-Азиатском регионе

Мураталиева З.Т. Анализ некоторых факторов влияния на политические процессы в Центральной Азии // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек, 2017. Т. 17. № 9. С. 61–64.*

В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы, влияющие на уровень конфликтности пяти центральноазиатских государств. Среди внутренних факторов автор выделяет территориальные претензии государств региона друг к другу, что связано с природными и демографическими ресурсами Центральной Азии.

По мнению автора, роль мощного конфликтогенного фактора также играет наличие крупных этнических общин, проживающих на территории соседних государств. Такая ситуация несет в себе угрозу потенциальных конфликтов на этнической почве и явилась следствием национального размежевания, осуществленного в 20-е годы XX в. Проведенное национальное размежевание создало предпосылки для территориальных споров после распада СССР.

Эпицентром конфликта автор обозначает территорию Ферганской долины, где расположены Согдийская область Таджикистана, Ошская, Желал-Абадская и Баткенская области Киргизии, Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана. Территория Ферганской долины отличается высоким уровнем перенаселенности (7 млн человек, из них 75% в сельской местности, преобладающие этническое большинство – узбеки), ростом исламских настроений среди местного населения, остротой социально-экономических проблем. Плотность населения в некоторых местах достигает 500–600 человек на кв. км, а в отдельных местах

до 1 тыс. человек. Таких перенаселенных районов в мире насчитываются единицы.

Автор, анализируя причину противоречий между соседними государствами, обращается к истории вопроса и отмечает, что часть Южного Узбекистана, в районе вокруг Самарканда и Бухары, была заселена таджиками и исторически эти города принадлежали Таджикистану, но в 20-е годы прошлого столетия ее определили как часть Узбекской ССР. Отсюда острые противоречия между Таджикистаном и Узбекистаном. У Туркменистана есть территориальные притязания к Узбекистану в Чарджоуской области из-за нефтяного месторождения, на которое претендуют обе стороны. В свою очередь, в самом густонаселенном государстве Центральной Азии – Узбекистане – определенные силы поддерживают идею «Великого Узбекистана» – от Южной Киргизии, Таджикистана, Чарджоу и Ташауза в Туркменистане до двух юго-западных областей Казахстана. Астана и Ташкент также не могут договориться о границе, проходящей по акватории Аральского моря.

Автор указывает также на еще один внутренний фактор, способствующий ослаблению региональной стабильности, – таджикский анклав в Северо-Восточном Афганистане. В последнее время Афганистан выдвигает свои территориальные притязания к Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану и это опять же способствует нагнетанию напряженности в регионе.

Говоря о важности территориального фактора в межгосударственных отношениях, автор приводит данные исследований, проведенных социологической службой Центральноазиатского агентства политических исследований (APR), по результатам которых вопрос о наличии спорных территорий оказался на первом месте в рейтинге существующих межгосударственных проблем в Центральной Азии.

В заключение автор статьи определяет векторы возможных в будущем конфликтов между центральноазиатскими государствами, называет внешние факторы, влияющие на безопасность региона и делает прогноз на ближайшее будущее. Исследователь считает, что к числу проблем, напрямую влияющих на внешнюю безопасность стран региона, следует отнести наркотрафик, международный терроризм и религиозный экстремизм. Во многом они порождены близостью к региону крупнейшего на сегодня в мире источника нестабильности, какими являются Афганистан и Пакистан. В предстоящий период времени ситуация в ряде стран Центральной Азии может существенно обостриться в связи

с угрозой вытеснения части афганских боевиков на территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Таким образом, существует множество внешних факторов, которые негативно воздействуют на содержание и характер политических процессов в государствах Центральной Азии. Значительная часть политических процессов отражает зависимость государств региона от исторического прошлого. В частности, это исторически сложившаяся геополитическая неопределенность, связанная с попытками сохранить многовекторность геополитического выбора. Огромное влияние на характер политических процессов оказывает низкий уровень региональной идентичности, поскольку в Центральной Азии отсутствует единая для региона культурно-идентификационная структура.

Приграничные конфликты и попытка их урегулирования на примере Таджикистана

Бабаин А.В. Неопределенность пограничных территорий Республики Таджикистан как фактор радикализации населения // *Этносоциум и межнациональная культура. М., 2017. № 11 (113). С. 174–183.*

Автор статьи анализирует конфликтные ситуации в приграничных областях и этнических анклавах в Центрально-Азиатском регионе, рассматривает вопросы делимитации границ Таджикистана с соседними странами и сопутствующие этим вопросам проблемы.

Обращаясь к истории вопроса, автор отмечает, что проблема делимитации и демаркации в Центрально-Азиатском регионе осложняется тем, что национально-территориальное деление во времена СССР происходило таким образом, что одинаковые этнические группы и общий ареал их проживания оказывались поделенными сразу между несколькими республиками. Подобный метод территориального деления республик создавал многонациональную структуру населения республик, что, в свою очередь, позволяло повысить управляемость республики и минимизировать возможность возникновения сепаратистских движений в регионе. Такую ситуацию можно увидеть на примере Таджикистана: Северный Таджикистан в 1918 г. вошел в Туркменскую АССР, в 1924 г. в результате государственно-национального размежевания Тад-

жикская АССР была уже в составе Узбекской ССР и только в 1929 г. преобразована в Таджикскую ССР, в 1925 г. в составе Таджикской ССР была образована Горно-Бадахшанская АО. Но если в советское время подобное деление не представляло серьезной проблемы, так как оно было осуществлено в рамках одного государства, то с образованием новых суверенных государств появился ряд спорных территорий, что, в свою очередь, привело к обострению и росту числа межэтнических конфликтов.

Рассматривая отношения Таджикистана с соседними странами по вопросам делимитации границ, автор отмечает, что меньше всего проблем было при решении пограничных вопросов с Китаем. Главным условием переговорного процесса между КНР и Таджикистаном было признание линии советско-китайской границы, а также осуществление охраны этого участка границы силами республиканских пограничников (т.е. без участия России). К 2012 г. все делимитационные и демаркационные работы на китайско-таджикском участке границы были завершены и были подписаны все необходимые международные договоры. Автор подчеркивает, что на сегодняшний день участок таджикско-китайской границы является наиболее спокойным.

Сложнее происходит процесс установления границ с Киргизией и Узбекистаном, особую обеспокоенность вызывает район Ферганской долины, где периодически возникают вооруженные столкновения. Несмотря на то что между государствами созданы специальные паритетные комиссии по делимитации и демаркации, сам процесс оформления границ находится практически на начальной стадии, так как у сторон нет желания выработать компромиссное решение по данному вопросу, на что указывают крайне редкие заседания соответствующих комиссий.

Наиболее острым моментом в вопросе урегулирования границ является проблема этнических анклавов, представляющая собой постоянный фактор напряженности в отношениях Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Всего на территории Ферганской долины расположено восемь анклавов, три из которых принадлежат Таджикистану, два – Киргизии и один – Узбекистану. Автор подчеркивает, что Ферганская долина представляет собой самый густонаселенный, исламизированный и конфликтогенный район в Центральной Азии. Конфликты чаще всего здесь возникают из-за дефицита воды, пастбищ, сельхозугодий, а также в знак протеста против постоянно ужесточающегося режима пересечения границ. Более того, в условиях постоянного конфликта, а также наличия

большого количества спорных участков между пограничниками сопредельных государств нередко происходят вооруженные столкновения. Всё это приводит к взаимным обвинениям участников конфликта в агрессивных намерениях и затрудняет решение пограничного вопроса.

На границе Таджикистана и Киргизии сохраняется более 70 спорных участков. Наиболее сложная ситуация обстоит с двумя таджикскими анклавами Ворух и Западная Калача, которые относятся к Исфаринскому району Худжандской области и находятся на территории Баткенской области Киргизии. Население в анклаве стремительно растет. Если на момент обретения независимости РТ население Воруха составляло 23 тыс. человек, то в последние годы, по неофициальным данным, встречающимся в прессе, там проживают более 40 тыс. человек. Данная тенденция роста населения не связана с естественным приростом, а является результатом миграции. Постоянный рост недовольства жителей приграничных территорий привел к тому, что население киргизских приграничных сёл требует от властей провести немедленную делимитацию границы с Таджикистаном. Особую опасность в данной ситуации вызывает тот факт, что подобные настроения активно используются оппозиционными политиками республик для раскачивания ситуации, что в дальнейшем может привести к крупным вооруженным столкновениям на таджикско-киргизской границе, в случае если правительствами республик не будут приняты соответствующие меры по решению данного вопроса.

Автор выдвигает предположение, что территория Воруха практически неподконтрольна как таджикской, так и киргизкой официальным властям. Происходящие процессы на этой территории никем не отслеживаются, что создает благоприятную почву как распространению радикальных исламистских идей, так и общему росту преступности.

Не способствует урегулированию данного процесса и подход обеих стран к вопросу о том, какому из народов исторически принадлежала Баткенская область. Так, таджики утверждают, что эта территория принадлежала им, а киргизы же считают ее исконно своей.

Вопрос таджикско-узбекских взаимоотношений тоже во многом упирается в проблему исторической принадлежности тех или иных территорий одной из сторон. Опираясь на исторический подход, таджикские правящие элиты рассматривают Бухару и Самарканд в качестве центра зарождения таджикского этноса.

Вопрос таджикско-узбекских взаимоотношений во многом связан с проблемой исторической принадлежности тех или иных территорий Узбекистану или Таджикистану. Таким образом, таджикские правящие элиты рассматривают Бухару и Самарканд в качестве центра исторического зарождения таджикского этноса и культуры и выступают за восстановление таджикского суверенитета над этими городами.

Автор выделяет еще один момент, усложняющий таджикско-узбекские противоречия – это фактическое расселение этнических таджиков и узбеков, которое не соответствует границам и географическому положению национальных государств. Так, количество таджиков, проживающих в Узбекистане, по данным этнического атласа Узбекистана за 2000 г., составляло примерно 1,2 млн человек (4,5% населения), а сегодня их количество достигло уже 5% от общего количества жителей республики. В Таджикистане же, по данным переписи населения за 2010 г., общее количество этнических узбеков составило примерно 1,1 млн человек, что составляет 14% от общего количества граждан республики. Важным этапом в решении проблемы делимитации таджикско-узбекской границы стало создание в 2000 г. межправительственной комиссии по вопросам делимитации и демаркации границ. За основу решения проблем с определением границ были взяты Постановления Президиумов Верховных Советов Таджикской ССР и Узбекской ССР от 1961 г. Договор о таджикско-узбекской государственной границе вступил в силу в 2009 г., тогда было определено 86% линии границы.

Несмотря на достигнутые успехи в решении пограничного вопроса, в настоящее время между Таджикистаном и Узбекистаном остаются серьезные разногласия по проблеме водного урегулирования, которые непосредственно влияют на обстановку на границе. В качестве примера автор приводит ситуацию с жителями таджикского анклава Сарвак, которые стали заложниками разногласий двух республик. Сарвак расположен на территории Наманганской области Узбекистана на расстоянии 1,2 км от границы. Так, в 2011 г. из-за возникших у республик разногласий по поводу строительства Рогунской ГЭС, с целью давления на Таджикистан, Узбекистаном был ужесточен пограничный контроль. Узбекские пограничники не пропустили жителей Сарвака на свои земельные участки, чем спровоцировали стихийную акцию протеста. И сегодня жители анклава Сарвак остаются практически изолированными от внешнего мира, на территории не ведется таджикское теле- и

радиовещание, население не получает достаточного медицинского обслуживания, не имеет доступа к полному среднему образованию. Более того, практически невозможным стало общение жителей анклава с жителями одноименного кишлака, расположенного на территории Таджикистана, в котором у них имеются многочисленные родственные связи.

В заключение автор делает вывод о том, что вопрос пограничного урегулирования остается одной из острых проблем в отношениях Таджикистана с соседними странами. Вопросы, касающиеся анклавов и спорных участков границы, используются государствами региона в целях давления друг на друга для достижения собственной выгоды. Подобная политика ведет к тому, что постепенно происходит радикализация ущемленного в правах населения анклавов и приграничных зон. В перспективе эти территории могут стать благодатной почвой для укрепления и последующего распространения радикальных исламистских идей.

Таким образом, очевидно, что государства региона не в состоянии самостоятельно завершить делимитацию границ и решить проблемы анклавов без вмешательства крупных заинтересованных игроков или региональных объединений, так как политическое руководство центральноазиатских республик занято конкурентной борьбой за лидерство в регионе, а любые уступки воспринимаются как проявление слабости.

Выводы

Отсутствие демаркации и делимитации границ, с одной стороны, повышает риск возникновения конфликтов в Центрально-Азиатском регионе, с другой стороны, передел уже существующих границ по этническому принципу может привести к катастрофическим последствиям. Но вопрос с границами придется рано или поздно решать. Конфликты на границах и приграничных участках Киргизии, Узбекистана и Таджикистана за последние годы и месяцы позволяют характеризовать существующую ныне ситуацию как нестабильную и имеющую тенденцию к ухудшению.

Наиболее острыми являются пограничные конфликты в Ферганской долине, разделенной между тремя государствами – Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Заявления руководителей государств о готовности завершить работу по юридическому оформлению линии государственной границы и даже предпринятые некоторые практические шаги не привели к реальным резуль-

татам и свидетельствуют о неспособности центральноазиатских государств самостоятельно решить вопросы делимитации и демаркации границ. Сохраняющийся острый дефицит природных ресурсов для населения анклавов, а также ужесточение правил пересечения границ были и остаются главными факторами этнотерриториальной конфликтности между гражданскими сообществами трех сторон. Это обстоятельство усугубляется интенсивным ростом численности населения в анклавах. В Ферганской долине, учитывая ее географическое положение, этнический состав населения, специфику землепользования и водопользования, решением проблемы могло бы стать введение «полупроницаемого» типа границы, когда население приграничных областей имело бы право на ее упрощенное пересечение.

Страны Центральной Азии не стремятся к тесному сотрудничеству друг с другом для создания единого экономического, политического и культурного пространства, а акцент переносят на другие страны и регионы, придерживаясь принципа геополитической многовекторности, что опять же не способствует нормализации ситуации в регионе.

У новых независимых центральноазиатских государств пока нет желания выработать компромиссное решение по вопросу юридического оформления государственной границы, хотя именно этот вопрос является одним из важнейших, так как он способен гарантировать территориальную целостность государств и обеспечить невмешательство в их внутренние дела, а также представлять собой один из барьеров на пути внешних угроз их национальной безопасности, таких как контрабанда, международная преступность, экстремистские и террористические движения, нелегальная миграция.

*Статья написана специально для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Сченснович В.Н.,
научный сотрудник (ИНИОН РАН)
**АФГАНСКИЙ КРИЗИС
И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА
(Обзор)**

Аннотация. В обзоре рассматривается ситуация в Афганистане в контексте развивающегося там острого регионального кризиса с активным вовлечением в него внешних сил. Анализируются также проблемы безопасности Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Центральная Азия (ЦА); Афганистан; НАТО; ОДКБ; КСОР; безопасность; кризис; исламистский радикализм; терроризм; борьба с наркопреступностью.

Введение

Авторы статей рассматривают не разрешенный до сих пор «афганский кризис», выявляют применительно к безопасности Центральной Азии (ЦА) исходящие из Афганистана угрозы, риски и вызовы с упором на их религиозную составляющую. Исследователи уделяют внимание проблеме распространения наркотиков с территории Афганистана по всему миру. В статьях обозначена определяющая роль ОДКБ в обеспечении безопасности на территории ЦА, проанализированы основные мероприятия, направленные на стабилизацию ситуации в регионе. Авторы обращаются также к проблеме исламизации Центрально-Азиатского региона.

Мальшева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. М., 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23.

Доктор политических наук Д.Б. Мальшева (ИМЭМО РАН) анализирует обстановку в Афганистане в контексте развивающегося там острого регионального кризиса с активным вовлечением в него внешних сил. Автор рассматривает новые подходы России к проблеме афганского урегулирования, оценивает ее инициативы по поддержанию безопасности в Афганистане и ЦА, снижению напряженности во всем Азиатском регионе. Предпринята попытка определить условия, при которых может стать результативной кооперация РФ с Китаем, центральноазиатскими государствами, партнерами по ОДКБ и ШОС.

По мере того как американско-натовское военное присутствие в Афганистане в последние годы постепенно сворачивалось, а мировые лидеры и СМИ концентрировали свое внимание на иных международных событиях, страны постсоветской ЦА вместе с ее беспокойным афганским соседством остались где-то на периферии мировых интересов. А между тем, отмечает автор статьи, интенсивность вооруженного противостояния в Афганистане не снизилась, и сам этот международный кризис, сохраняя свой взрывоопасный потенциал, может создавать серьезные проблемы в сфере безопасности постсоветским центральноазиатским государствам, имеющим для России немалую ценность по причине взаимной заинтересованности в развитии экономических, военных, политических, культурных и иных связей.

Афганистан остается расколотым по линии этнических, племенных и религиозных противостояний. Под вопросом жизнеспособность государства, экономика которого разрушена войной, находится в упадке и полностью зависит от иностранных вливаний. Патрулируемым США кабульским властям с трудом удастся справиться со сложнейшими проблемами по стабилизации обстановки и обеспечению мирного строительства; для местных силовых структур непосильной оказывается задача наведения порядка в стране, раздираемой борьбой между различными политическими силами. Талибы, которые не теряют надежды одержать победу над правительственными войсками и вернуть себе власть в стране, остаются здесь ведущей оппозиционной силой, отвоевывающей все новые пространства. Неблагоприятный фон процессу мирной реконструкции Афганистана и усилиям, предпринимаемым в этом

направлении международными спонсорами, создает рост числа жертв конфликта. Тревогу вызывает и ситуация с наркопроизводством и наркотрафиком. На начало 2017 г. Афганистан продолжал оставаться крупнейшим в мире поставщиком героина. Согласно обзору Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (UNODC), в стране выросли площади, занятые под выращивание опиумного мака. Эксперты ООН связывают такую ситуацию с увеличением территории, контролируемой движением «Талибан», для которого наркоторговля является одним из важнейших источников дохода.

Не привели пока к эффективным результатам и попытки нормализовать афганский кризис политическими средствами – с участием вовлеченных в конфликт (США) либо заинтересованных сторон (Пакистан, Китай). Основанием для наращивания в Афганистане иностранной военной силы может стать активизация здесь исламистских радикалов, использующих методы репрессий и террора для продвижения идеи «нового халифата». Пока ИГ, замечает Д. Мальшева, из-за своего негативного имиджа в Афганистане и соседних странах ЦА предпочитает держаться в тени. Кроме того, исторически сложившиеся объединения, давно внедренные в местную «почву», составляют конкуренцию «пришлым», коковыми считаются в Афганистане имеющие ближневосточные корни «Аль-Каида» и ИГ.

Хотя угроза со стороны ИГ часто преувеличивается, есть всё же основание, считает исследователь, рассматривать ее как имеющую перспективу. Действительно, поскольку ИГ не признает этнической или национальной принадлежности, государственных границ, объявляя себя транснациональной организацией, возможности этой структуры по привлечению в свои ряды представителей различных этнических групп шире, чем у «Талибана», являющегося в основном моноэтническим пуштунским движением. Способствовать распространению влияния ИГ в Афганистане и странах ЦА могут и внешние силы с целью продвижения своих геополитических интересов. В их числе – ряд крупных региональных держав Ближнего Востока, бывших долгое время спонсорами религиозно-экстремистских движений Афганистана.

Появление в Афганистане носителей идеи построения «нового халифата», связанных со своими ближневосточными единомышленниками, транснациональным терроризмом и наркокартелями, подчеркивает автор, повышает потенциал угроз как для самого Афганистана, так и для светских режимов ЦА. Непредсказуемость

развития событий в Афганистане, возможность возобновления там крупномасштабного вооруженного противостояния с вовлечением в него третьих сторон – предмет тревог центральноазиатских государств. Их народам, связанным с Афганистаном многовековой историей, этнорелигиозными традициями, культурой, вовсе не безразлично, удастся ли вернуть Афганистан в русло мирной жизни, какую позицию займет в отношении своих южных соседей претендующая на власть в этой стране главная оппозиционная политическая сила – движение «Талибан», получится ли у боевиков транснациональных террористических объединений (в особенности «Аль-Каиды» и ИГ) расширить сферу своего влияния в Афганистане, взорвать ЦА.

Систему безопасности в ЦА, отмечает исследователь, отличается сложный многоуровневый характер. Региональный срез безопасности обеспечивается такими организациями, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, а также со взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации. В краткосрочной перспективе центральноазиатские государства не станут представлять непосредственного интереса ни для талибов, ни для тех или иных отрядов радикального исламизма (ИГ и другие). Однако в случае расширения влияния этих сил в районах, примыкающих к границам государств ЦА, не исключено возникновение напряженности. В итоге, по наблюдению автора, возможные будущие риски для постсоветского Центрально-Азиатского региона сводятся к нескольким позициям.

Во-первых, к вероятности возобновления в Афганистане крупномасштабной гражданской войны и распространения боевых действий на территорию соседних государств ЦА. Причем основная угроза будет исходить от состоящих по большей части из иностранцев (этнических узбеков, таджиков, уйгуров, чеченцев и др.) экстремистских организаций («Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и др.), базирующихся в Афганистане, но не оставляющих надежду вернуться в родные места с целью замены там (в том числе насильственным путем или при поддержке внешних спонсоров) светского правления на исламское. Не исключены их объединение с местными («спящими») религиозно-политическими ячейками и инициирование межэтнических столкновений.

Во-вторых, риски рождают вытеснение религиозных радикалов, а также и талибов – вследствие проводимых против них военных операций в зоне афгано-пакистанского кризиса – на север Афганистана, что делает уязвимыми таджикско-афганскую и туркменско-афганскую границы и оставляет в зоне особого риска центральноазиатские республики. Вместе с тем в отличие от Туркменистана с его официально признанным нейтральным статусом, исключающим вхождение в любые военные структуры, и Узбекистана, приостановившего в 2012 г. свое членство в ОДКБ, три другие центральноазиатские республики (Таджикистан, Киргизстан и Казахстан) могут рассчитывать в качестве членов ОДКБ на военную помощь России.

В-третьих, возможности реализовать в Афганистане исламистский проект, следствием чего могут стать радикализация центральноазиатской уммы, усиление там активности движений, часто связанных с организациями транснационального терроризма и наркокартелями. К этому перечню опасных проблем можно добавить и наркомафию, питающую религиозный экстремизм и становящуюся вместе с ним элементом дестабилизации центральноазиатских государств.

Для России Центрально-Азиатский регион останется в среднесрочной и долгосрочной перспективе стратегическим буфером против внешних угроз, и ее роль в поддержании безопасности в ЦА будет иметь тенденцию к возрастанию ввиду необходимости противодействовать наркотрафику в сочетании с противостоянием угрозе роста исламистского радикализма. ЦА представляет для России ценность и как коммуникационный узел, и как топливно-энергетический центр. Опосредованно на отношениях России со странами региона будет сказываться динамика ее взаимодействия с Китаем, а также с США и их союзниками. Необходимо участие России в обеспечении безопасности региона в рамках организаций ШОС и ОДКБ. Имеются и императивы повысить эффективность Евразийского экономического союза (ЕАЭС), участниками которого, наряду с Казахстаном и Кыргызстаном, являются Армения, Беларусь и РФ. Россия пытается формировать стратегию, нацеленную на урегулирование афганского кризиса и достижение безопасности во всем Центрально-Азиатском регионе. Применительно к афганской ситуации речь может идти о возвращении там России не столько военного, сколько дипломатического и политического влияния, подчеркивает Д. Малышева.

Дегтярев А.С. Усиление «афганской угрозы» в Центральной Азии: Новый вызов перед ОДКБ // Фундаментальные и прикладные исследования: Гипотезы, проблемы, результаты. Сб. материалов II Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 29–35.

Автор рассматривает проблему усиления «афганской угрозы», которая заключается в увеличении на территории Афганистана числа сторонников «Исламского государства». В статье также уделено внимание проблеме распространения наркотиков с территории Афганистана по всему миру. Обозначена определяющая роль ОДКБ в обеспечении безопасности на территории ЦА, рассмотрены основные мероприятия, направленные на стабилизацию ситуации в регионе.

Ситуация в Афганистане вызывает серьезные опасения у Минобороны РФ, так как в стране растет число формирований ИГ. Некоторые отряды «Талибана», как афганского, так и пакистанского, заявили о своем согласии с провозглашенной ИГ идеей построения халифата. В провинциях Афганистана происходит вербовка бойцов.

Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ) является гарантом обеспечения военно-политической стабильности и безопасности на территории постсоветского пространства. Для защиты ОДКБ от всех видов военных и террористических угроз были созданы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Их задача – отражение вооруженных атак против членов Организации.

В 2015 г. в МГИМО прошел ситуационный анализ «Сценарии и перспективы эволюции ситуации в Афганистане и постсоветской Центральной Азии после 2015 года». Тогда оценка ситуации в Афганистане и угроз для соседних государств региона не вызвала серьезных споров. Появилось предположение, что ИГ может стать центром объединения противников государственного режима, который характеризуется определенным дуализмом – расколом в правительстве на сторонников президента Гани, который является пуштуном, а также приверженцев премьер-министра Абдуллы (представителя таджиков). Примечательно, что в ряды ИГ часто вступают непуштуны, т.е. противники «Талибана». Новой тенденцией можно считать стремление ИГ обосноваться в северных районах Афганистана, на границе с Туркменистаном. Отмечается усиление пропаганды экстремистских организаций ЦА.

Другой существенной проблемой может стать превращение Афганистана в территорию базирования и подготовки боевиков, цель которых – дестабилизация ситуации внутри РФ.

2 ноября 2016 г. в Астане состоялось заседание Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств – членов ОДКБ. Участники выделили важную проблему – наркопроизводство в Афганистане. Было отмечено, что серьезную угрозу представляет собой рост производства и распространения синтетических и психотропных препаратов, значительная часть которых поступает из Юго-Восточной Азии. Участники договорились продолжить практику проведения международных антинаркотических операций в рамках Региональной антинаркотической операции «Канал» на основных направлениях наркотрафика и на объектах, имеющих отношение к производству и транзиту наркотиков. С 29 мая по 2 июня 2017 г. органами внутренних дел и антинаркотическими органами государств – членов ОДКБ была проведена операция «Канал-Западный заслон». Операция была направлена на перекрытие каналов контрабанды афганских опиатов в акваториях Балтийского, Каспийского и Черного морей.

С 2017 г. РФ начинает усиливать свои военные базы в Таджикистане и Киргизии новым вооружением для предотвращения переноса террористической активности из Афганистана в Центрально-Азиатский регион. В ноябре 2017 г. в Таджикистане около границы с Афганистаном прошли учения Коллективных сил ОДКБ, посвященные отработке совместных действий по ликвидации незаконных вооруженных формирований в горах.

Таким образом, заключает А. Дегтярев, «афганскую проблему» можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, это наркотрафик не только в РФ и страны ОДКБ, но и в другие точки мира. Независимо друг от друга с этой проблемой борются и НАТО, и ОДКБ. И уже можно говорить о положительных сдвигах. Во-вторых, беспокоящее всё мировое сообщество увеличение численности боевиков на территории Афганистана. Под угрозой находятся страны ЦА, но учения 2017 г. показали, что КСОР готовы своевременно отреагировать.

Аманбекова Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. М., 2018. Т. 1. № 3. С. 318–329.

Центрально-Азиатский регион, отмечает автор статьи, является сегодня одним из наиболее «взрывоопасных». Различные организации радикального исламского и псевдорелигиозного толка рассчитывают закрепить здесь свои позиции. Одним из основных источников угроз безопасности Центрально-Азиатского региона СНГ с начала 90-х годов XX в. остается неурегулированность афганской проблемы. Восстановление мира и стабильности в Афганистане – одна из актуальных международных и региональных проблем, прежде всего, для государств ЦА, напрямую сталкивающихся с негативными последствиями многолетней войны в этой стране. Конфликт в Афганистане породил угрозы и вызовы стабильности и безопасности стран ЦА, переживающих сложный этап становления и укрепления своей государственности, такие как религиозный экстремизм, этническая нетерпимость, терроризм, наркобизнес и контрабанда оружия. Кроме того, возможность переноса конфликтной ситуации из Афганистана в страны СНГ отнюдь не является гипотетичной, потому что по обе стороны границ проживают представители одних и тех же этносов, веками связанных друг с другом узами историко-культурной общности, а подчас и родства.

Среди угроз наибольшую опасность для светских режимов ЦА представляет религиозный экстремизм, подчеркивает автор. Сегодня проблема исламизации ЦА приняла угрожающие масштабы, во многом это связано с обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке. На постсоветском пространстве, как в силу объективных культурно-исторических причин, так и в силу субъективных – ценностных и политических предпочтений и установок ключевых региональных акторов, – наиболее активно процессы исламизации развиваются в странах ЦА.

После развала СССР в декабре 1991 г. в ЦА параллельно с избранной изначально государствами этого региона светской парадигмой набирала силу другая тенденция – радикализация ислама, проявившаяся в появлении (часто действующих нелегально) исламистских организаций и движений. Радикальный ислам в ЦА давно превратился в угрозу не менее значимую, чем на Ближнем Востоке или в Африке. Влияние радикального ислама ощущается в ЦА особенно остро по сравнению с другими регионами пост-

советского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию практически во всех пяти центрально-азиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Следует иметь в виду, замечает автор, что традиции ислама и противодействие светскому правлению имеют здесь давнюю историю, а позиции радикального исламизма в регионе оказались достаточно прочными.

Долгое время ислам был доминирующей религией в ЦА. И приблизительно три четверти XX столетия ислам и религия в целом были вне закона в ЦА, так как регион был частью Советского Союза, существовал запрет на свободное вероисповедание, постепенно снижалась общая религиозная просвещенность населения, что привело к упадку традиционного для этого региона ислама ханафитского толка. В 1980-х годах, когда шла война в соседнем Афганистане, в регион начали проникать идеи радикального ислама. Разрозненное религиозное население стран ЦА активно подхватило как националистические, так и религиозно-экстремистские идеи. В начале 1990-х годов, с развалом СССР, роль радикального ислама увеличилась, так же как и свобода действий радикалов. Радикальный ислам в странах ЦА давал о себе знать неоднократно и проявлялся в различных формах. Исследователь обозначает связанные с этим процессом наиболее яркие события:

1. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997).
2. Баткенские события в Кыргызстане (1999–2000).
3. Андижанские события в Узбекистане в мае 2005 г.

Предпосылки становления региона как важнейшего центра в мировой исламистской стратегии и создания благодатной почвы для масштабной экспансии различных исламистских взглядов среди населения существовали и раньше. К примеру, регион исторически являлся связующим звеном между центрами исламской цивилизации Ближнего Востока и мусульманским населением России, Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая; узбекские города Самарканд, Бухара, крупные города Ферганской долины – Коканд, Наманган, Фергана, Андижан и Ош, а также южные города Казахстана – Шымкент, Туркестан, Тараз – были в свое время духовными центрами мусульманской культуры в ЦА. Они издавна славились как крупные и независимые от официальных властей теологические центры. И неслучайно многие радикальные силы ставят целью создание на территории ЦА исламского госу-

дарства, с ядром в Ферганской долине, которое, по замыслу, должно стать частью так называемого «Всемирного исламского халифата».

Совокупность определенных исторических, геополитических, культурных и экономических факторов во многом объясняет подверженность и уязвимость государств ЦА перед угрозой религиозного экстремизма. Угрозы безопасности региону ЦА со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлениях усиливаются рядом негативных внутренних вызовов, по мысли автора, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам. «Хрупкость» создает потенциал крушения и образования «несостоявшихся государств», не контролирующей собственную территорию. Именно такие государства являются идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок, типа ИГ. Значимым фактором, способствующим «хрупкости государств» и росту угрозы со стороны радикального исламизма, является высокая коррупция в регионе. Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью. Особенно с наркоторговлей, из которой могут финансироваться террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одними из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами.

Влияние радикального ислама ощущается в ЦА особенно остро по сравнению с другими регионами постсоветского пространства благодаря границе с Афганистаном, который, хотя и в разной степени, оказывает дестабилизирующее воздействие на ситуацию во всех центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Но радикальный исламизм в регионе распространен неравномерно. В большей степени его идеям подвержены Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей – Казахстан и Туркменистан, хотя подъем исламистских настроений имеет место и в последних двух странах.

Необходимо осознать, подчеркивает исследователь, что религиозно мотивированные экстремизм и терроризм в настоящее время представляют одну из самых значительных угроз стабильности ЦА. Его формы и методы совершенствуются. Он втягивает в свою орбиту молодежь. Радикальные исламистские течения

сращиваются с наркобизнесом, организованной преступностью, торговлей людьми. В регионе присутствует недовольство правящими режимами, что подпитывает имеющиеся формы протеста (в том числе и радикально-исламистской направленности). Автору представляется, что во многом ситуация с распространением исламского радикализма достигла сегодняшних масштабов как раз вследствие недееспособности исламского руководства в странах ЦА. Необходимо решать политические, социальные, экономические проблемы, имеющиеся в регионе. Круг актуальнейших для региона проблем давно очерчен: коррупция, отсутствие социальной справедливости, огромные размеры безработицы среди молодежи, отсутствие «социальных лифтов», слабое развитие демократических институтов и т.п. Решение обозначенных проблем, по мысли Ш. Аманбековой, является самой эффективной формой борьбы с религиозно мотивированными экстремизмом и терроризмом.

Заключение

Уровень конфликтности в Афганистане, отмечают исследователи, довольно высок, и это вызывает озабоченность всех прилегающих к нему государств. В случае обострения конфликта дестабилизация грозит не только постсоветским центральноазиатским государствам, но и Китаю, Индии, Ирану. Россия как стратегический союзник государств ЦА также может быть вовлечена в процесс дестабилизации, которая грозит срывом запущенному с 2015 г. проекту евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС. В условиях угасания однополярного мира и все более уверенного становления полицентричного миропорядка страны ЦА и Южной Азии могут воспользоваться предоставившимся им шансом – стать без посредничества нерегиональных держав объединяющим центром Азии. В этом контексте, по убеждению авторов, логичным представляется формирование с участием ОДКБ и ШОС кооперативной системы безопасности, которая позволит России, Китаю, центральноазиатским государствам и их союзникам в Азии эффективно решать вопросы будущего Афганистана и другие проблемы безопасности в Азии. Необходимо также совершенствовать меры, способы и формы противодействия радикальным исламистским течениям в ЦА, представляющим серьезную угрозу безопасности.

*Статья написана специально для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Бибикова О.П.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
(Институт востоковедения РАН)

УЙГУРСКИЙ ДЖИХАД В КИТАЕ И СИРИИ

Аннотация. Уйгуры-мусульмане проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В этом районе сильны сепаратистские настроения. В последние годы уйгурские радикалы часто организуют террористические акты. Несколько тысяч уйгуров принимают участие в военных действиях в Сирии на стороне оппозиции. Они рассматривают свое участие как тренировку для борьбы за независимость.

Ключевые слова: уйгуры; ханьцы; Синьцзян-Уйгурский автономный район; сепаратизм; джихад; «Исламское движение Восточного Туркестана»; «Хаят тахрир аш-Шам».

Суннитский ислам в Китае исповедуют более 20 млн человек. Половина из них уйгуры, проживающие в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Значительное количество уйгуров имеется также за пределами КНР¹. Кроме уйгуров ислам в Китае исповедуют живущие здесь казахи, дунгане, киргизы, узбеки, татары и др.

СУАР занимает шестую часть территории Китая (1,66 млн кв. км). Это самая большая по площади территориально-административная единица КНР. Среди предков уйгуров есть представители исчезнувших тюркских и монгольских кочевников. СУАР граничит с Казахстаном (1718 км), Монголией (1400 км), Киргизией (1000 км), Таджикистаном (450 км), Россией (55 км), а также с Афганистаном, Индией и Пакистаном. Соседство с таким количеством стран предопределило наличие представителей 47 национальностей, проживающих в СУАР, но уйгуры – коренное население региона. Общая протяженность государственной границы

¹ Кроме СУАР уйгуры проживают в провинции Хунань, на юго-востоке КНР (7 тыс. человек). За рубежом проживают примерно 500 тыс., из них 350 тыс. в республиках Центральной Азии: в Казахстане ~ 250 тыс., в Кыргызстане ~ 60 тыс., в Узбекистане ~ 50 тыс., в Туркменистане ~ 3 тыс. А также в других странах: в Турции около 40 тыс., в Саудовской Аравии ~ 30 тыс. Общины уйгуров существуют в Пакистане, ОАЭ, Германии, Бельгии, Нидерландах, Великобритании, Швеции, Канаде, США, Японии, Австралии. См.: Уйгуры. Кто такие. История народа... – <http://xn--e1adcaacuhnjm.xn--p1ai/ujgury.html>

СУАР свыше 5600 км. Каждый третий пограничник Китая служит именно здесь.

Современный этноним «уйгуры» был утвержден за оседлыми тюркоязычными народами на курултае, проходившем в Ташкенте в 1921 г.¹ Уйгуры говорят на языке тюркской группы, что сближает их с народами Средней и Центральной Азии, а также Турции.

СУАР включен в программу «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), что дает некогда депрессивному району перспективу развития инфраструктуры и экономики в целом. Этот регион богат полезными ископаемыми (40% запасов угля, 1/3 нефти КНР). Через территорию СУАР в Центральный Китай проводят газопровод из Туркменистана и нефтепровод из Казахстана. Кроме того, намечено строительство газопровода из Алтайского края России. Таким образом, энергоснабжение экономики КНР во многом зависит от стабильной обстановки в СУАР.

Проблема уйгуров в Китае связана с тем, что в древности этот народ проживал в самостоятельном государстве. Две тысячи лет назад, в эпоху правления китайской династии Хань, Китай захватил территорию этого государства. В VIII в. уйгуры входили в состав Тюркского каганата. Процесс этнической консолидации уйгуров завершился после распада Тюркского каганата и образования Уйгурского раннефеодального государства (Уйгурский каганат) на р. Орхон². В середине IX в. уйгурское государство распалось. Часть уйгуров переселилась в Среднюю Азию. В XVII–XVIII вв. в Восточном Туркестане существовало государство уйгуров, которое в 1760 г. попало под власть маньчжурских правителей Китая. Находясь под властью иностранных правителей, уйгуры периодически восставали. Шесть крупных восстаний в Синьцзяне произошло в XIX в. В XX в. имели место две попытки создания независимых государств уйгуров – Исламской республики Восточный Туркестан (1933–1934) и Восточно-Туркестанской революционной республики (1944–1949). В 1949 г. после включения уйгурских территорий в состав КНР был создан Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Учитывая сепаратистские настроения уйгуров, Китай начиная с 1950-х годов предпринимал меры для того, чтобы сократить

¹ Уйгуры в «большой игре» великих держав. – <http://www.islam.ru/content/history/46123>

² Уйгуры. Кто такие. История народа... – <http://xn--e1adcaacuhnujm.xn--plai/ujgury.html>

доминирование уйгурского населения в СУАР. Для этого сюда стали переселять ханьцев – представителей титульной нации. При Мао Цзэдуне уйгуры, благодаря высокой рождаемости, по-прежнему составляли большинство населения СУАР¹. Но за прошедшие 50 лет в результате того, что правительство поощряло переезд ханьцев в СУАР, уйгуры на своей родине стали меньшинством. Естественно, что уйгуры, коренные жители региона, воспринимая все попытки разбавить население СУАР ханьцами негативно. Историческая память народа хранит воспоминания о самостоятельном национальном государстве.

Проблема уйгурского сепаратизма напрямую связана с демографическими проблемами Китая, которые чрезвычайно беспокоят Пекин. В 1953 г. была проведена первая общегосударственная перепись населения, результаты которой показали, что при численности населения – 581 390 млн человек² государство не может обеспечить население продуктами питания. Однако до 1956 г. правительство не придавало серьезного значения демографическому фактору. Более того, постоянный рост численности населения считался источником благосостояния страны. Соотношение численности населения (более 20% населения земного шара) и имеющихся в распоряжении Китая пахотных земель (около 7% мировых пахотных земель) заставило власть принять суровые меры по сокращению рождаемости в государстве. К тому же по ряду причин обрабатываемые площади практически ежегодно сокращаются на 300–400 тыс. га³.

В 1960-е годы произошло осознание пагубности отсутствия политики планирования семьи. Китайское руководство было вынуждено принять строжайшие наказания для нарушителей программы «Одна семья – один ребенок». Была разработана система наказаний, штрафов, вычетов из зарплаты. Второго или третьего ребенка не брали в детский сад, ограничивали обучение таких детей в вузах; студентов, вступающих в брак, исключали из институтов. «Избыток» детей учитывался даже при начислении пенсии.

¹ По переписи 1953 г., доля постоянно проживающих в Синьцзяне ханьцев была 0,9% (69 тыс.), без учета временно проживающих, служащих и армии, в то время как численность уйгуров составляла 92%.

² Численность населения Китая в прошлом. – <http://stainformation.ru/nasstr/china-ist.html>

³ Миллионы гектаров сельхозугодий в Китае не пригодны для возделывания. – <https://www.epochtimes.ru/content/view/82703/4/>

В декабре 1973 г. на Всекитайском отчетном совещании по планированию семьи был провозглашен курс «позже, реже, меньше», что предполагало поздние браки и 4–5-летние интервалы между рожденьями детей, доступность противозачаточных средств.

В период «Культурной революции» (1966–1976) традиционно многодетные уйгуры-мусульмане подвергались репрессиям. Для уйгур-мусульман принудительный отказ иметь детей был оскорблением их религиозных чувств, ибо ислам рассматривает каждого новорожденного ребенка как «бараку» (благодать) от Аллаха. Кроме того, для уйгур, проживающих в деревнях, дети всегда были помощниками в хозяйстве. Проигнорировав религиозные чувства людей, власти прибегли к насильственной стерилизации многих уйгурских женщин и мужчин.

Синологи считают, что именно в этот период китайские власти допустили ошибки в национальной политике, в том числе были нарушены столь долго укреплявшиеся отношения дружбы и уважения между ханьцами и представителями национальных меньшинств.

Естественно, что ошибки в национальной политике, меры принудительного сокращения присутствия коренного населения в СУАР (ныне численность ханьцев в СУАР возросла до 40%) за счет насильственного переселения уйгур вглубь страны наносят глубокие раны на самосознание народа.

В 1980-е годы в СУАР было более 20 тыс. мечетей. В 1987 г. власти организовали в Урумчи, столице СУАР, исламскую академию для подготовки имамов. Кроме того, были организованы курсы по изучению Корана и арабского языка. Расширились связи мусульман Китая со своими единоверцами в других странах. Уйгуры совершали паломничество в Саудовскую Аравию.

Тем не менее в 1990 г. в городе Бажен произошло восстание под религиозными лозунгами. Пекин был вынужден использовать регулярную армию для его подавления. Затем последовали волнения среди студентов-талибов в медресе города Яркенд и взрыв в кинотеатре города Куча (1991).

Как отмечала турецкая газета «Ватан», «процесс ассимиляции поистине углубляет проблему. Такая тенденция подавляет языковые и культурные основы, и борьба желающих помешать этому патриотов выходит за рамки законности»¹.

¹ Зорлу К. Что нужно делать в вопросе Восточного Туркестана? Vatan, 06.10.2018. – <https://inosmi.ru/politic/20181006/243393832.html>

После того как среднеазиатские республики бывшего СССР получили независимость в результате распада Советского Союза, в СУАР появились организации, поставившие своей целью достижение независимости Восточного Туркестана. Среди них образованный в 1992 г. Всемирный уйгурский конгресс¹ во главе с Рабией Кадыр², предпочитающий мирные средства борьбы, и Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ)³. Последнее уже скоро вошло в контакт с зарубежными радикальными мусульманскими группировками.

Контакты с зарубежными группировками исламистского толка позволил ИДВТ организовать тренировочные лагеря на территории соседнего Пакистана (район Вазиристана⁴). Были установлены контакты с ИГИЛ⁵. Кроме того, начиная с 2009 г. в стране постоянно происходят межэтнические конфликты.

С течением времени уйгуры усвоили методы террористической борьбы, имевшие место в других странах. Инициатором терактов стали члены ИДВТ.

Члены этой организации вели пропаганду среди верующих в мечетях СУАР. В 1992 г. началась серия терактов: взрывы в гостиницах, торговых центрах, в общественном транспорте, в культурных центрах, в больницах, в тюрьме (!), на базарах и автобусных остановках. Спустя пять лет начались массовые беспорядки и убийства чиновников. Один взрыв произошел в автобусе, проходящем по центру Пекина рядом с площадью Тяньаньмэнь. В 2015 г.

¹ Всемирный уйгурский конгресс (ВУК), первоначально – Национальный конгресс Восточного Туркестана, объединяет большую часть уйгурских общин, в том числе за пределами Китая. Объявленная цель деятельности ВУК – достижение подлинной автономии СУАР в составе КНР, в соответствии с Конституцией КНР. ВУК осуждает проявления экстремизма. Однако китайское правительство обвиняет Конгресс в террористической деятельности с целью отделения СУАР от КНР. Штаб-квартира находится в Мюнхене.

² Рабия Кадыр – правозащитница, мать 11 детей. Занималась бизнесом, в 1985 г. считалась одной из богатейших женщин Китая. В 1997 г. лишена гражданства КНР после выступления в парламенте, где она пыталась убедить китайское правительство изменить национальную политику. С 2005 г. Кадыр находится в изгнании в США после шестилетнего заключения в Китае.

³ «Исламское движение Восточного Туркестана» возникло в 1989 г.

⁴ Вазиристан представляет собой практически независимый район вдоль границы с Афганистаном, где исламские радикалы занимаются тренировкой моджахедов.

⁵ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

боевики взорвали несколько жилых домов¹. Стало очевидно, что уйгурские боевики получают взрывчатые вещества и оружие из-за границы. В то же время многие из них использовали холодное оружие. В частности, в августе 2014 г. вооруженные ножами люди в черных масках напали на полицейский участок. Несколько ранее (в марте 2014 г.) группа мужчин с ножами длиной 60–70 см напала на пассажиров на станции Куньмин (провинция Юньнань на юго-западе Китая). В результате атаки погибли около 30 человек, 143 были ранены².

ИДВТ, штаб-квартира которого расположена за границей, официально взяло на себя ответственность за более чем 200 терактов, совершенных на территории КНР. Досталось и исламским священнослужителям, которых радикалы убивали, обвиняя их в «пособничестве властям».

Внутри СУАР все чаще раздавались призывы к отделению от КНР. Перед Олимпиадой в Пекине (2008) произошла целая серия терактов, включая попытку взрыва в пассажирском самолете. На следующий год произошел конфликт между уйгурами и ханьцами, проживающими в СУАР, в результате которого погибли более 150 человек, несколько сотен были ранены. Правительству пришлось ввести в регион воинские подразделения и бронетехнику.

Были приняты законы, запрещающие студентам и государственным чиновникам посещать мечети. Усилен контроль за воспитанием детей в детских садах. Еще в 1997 г. была проведена кампания против нелегальных медресе. Были введены ограничения на посещение китайскими мусульманами священных городов Мекки и Медины в период Рамадана. В 2017 г. в Китае появились лагеря перевоспитания, куда ссылали уйгуров и других мусульман (казахов, киргизов и др.), вызвавших подозрение своим поведением. Кроме того, в списке мер: запрет на совершение брачных и похоронных обрядов по религиозным традициям, наказание для родителей, которые не пускают своих детей в государственные школы.

При этом, как отмечали наблюдатели, «политика, проводимая Пекином по отношению к уйгурам-мусульманам, включает в себя и ряд преференций в сравнении с прочими жителями страны, в том числе по религиозному признаку. Например, их не каса-

¹ В Китае начали взрываться жилые дома. 1.10.2015. – <https://vz.ru/world/2015/10/1/769841.html>

² Неизвестные зарезали 27 человек на вокзале в Китае... 01.03.2014. – <https://ria.ru/world/20140301/997707527.html>

ются ограничения по рождаемости, которые наложены на ханьцев, им разрешено иметь более одного ребенка в семье, существуют льготы при поступлении в высшие учебные заведения. За последнее десятилетие правительство Китая произвело гигантские финансовые вливания в регион, построив многочисленные крупные заводы и предприятия»¹. Тем не менее наряду с идеями сепаратизма в Синьцзяне начала распространяться салафитская идеология.

Естественно, что руководство ИДВТ установило контакты с ИГИЛ, что предопределило участие его боевиков в сирийском конфликте. Сначала их было около 300 человек, которые участвовали в битве, которую вела организация «Джабхат ан-Нусра» (ныне «Хаят Тахрир Аш-Шам») за Алеппо.

Уйгуры приезжают в Сирию через Турцию вместе со своими семьями, которых представители «Джабхат ан-Нусра» расселяют в покинутых сирийцами домах, в основном в провинции Идлиб, захваченной еще в 2015 г. Это было результатом специальной пропагандистской кампании, призывающей уйгурские семьи покинуть родину и отправиться жить в халифат, где царствуют законы шариата. Причем визы в Турцию предоставляли консульства этой страны в других государствах, в том числе в Афганистане и в соседних странах Средней Азии. В ряде случаев уйгуры получали сразу турецкое гражданство². Естественно, что Пекин выразил протест действиям Анкары.

На массовое получение турецких паспортов «туристами» из Китая обратили внимание власти Таиланда. В середине 2015 г. Таиланд выслал в Китай более 100 уйгуров. Позднее стало известно, что власти Индонезии отправили за решетку несколько уйгуров, обвиненных в терроризме³.

В целях рекрутирования уйгурских мужчин в свои отряды Информационный центр ИГИЛ распространил в 2015 г. через интернет-сети гимн, призывающий мусульман Китая присоединиться к боевикам во имя халифата. Характерно, что уйгуры, в отличие от других боевиков, на территории Сирии не закрывают

¹ *Коростиченко Е.* Китайский Кавказ: Как Пекин борется с религиозным терроризмом. 19.10.2016. – https://life.ru/t/религия/918218/kitayskii_kavkaz_kak_pekín_borietsia_s_relighioznvm_terrorizmom_v_sintziani

² *Гог И.* Китайские мусульмане в Сирии. Непредсказуемый фактор конфликта. 9.03.2016. – <https://slovoдел.com/487890-kitajskie-musulmane-v-sirii-nepredskazuemij-faktor-konflikta>

³ *Коростиков М.* Уйгурский джихад. Коммерсантъ. 14.07.3015.

своих лиц, что свидетельствует о том, что они не собираются возвращаться на родину. Более того, исламистская пропаганда активно ведется также среди детей. В частности, распространяя в среде китайских мусульман информацию о своей деятельности в Сирии, джихадисты делают видео с детьми, которые заявляют: «О китайские кафиры! Знайте, что мы уже находимся на земле халифата. Мы придем к вам и поднимем свой флаг в Туркестане»¹.

По некоторым данным, в 2018 г. в Сирии уже воевали примерно 4–5 тыс. уйгурских боевиков. Большинство из них сосредоточено в провинции Идлиб, в которой «Ан-Нусра» изначально проводила обучение вновь прибывших, в том числе детей².

Не секрет, что уйгур вместе с туркменами, казахами и др. вербует в ряды сирийской оппозиции турецкая разведка по поручению США. Турки имеют здесь свой интерес, в том числе надеясь таким образом получить часть территории Сирии, где уже расселены уйгурские семьи. Эрдоган покровительствует тюркским народам, надеясь на их лояльность, тем более что многие уйгуры понимают, что вернуться на родину им не удастся.

У США цели более масштабные: за счет активизации исламистского фактора ослабить Китай, помешать реализации экономических планов, в том числе проекта «Великий Шёлковый путь», так как южный коридор этой трассы, проходящий по СУАР, окажется в опасности. Этот проект предполагает создать новую инфраструктуру, которая будет способствовать расширению торговли Китая с другими странами. Кроме того, дестабилизация обстановки в этом районе угрожает также сорвать проведение туркменского газопровода в Китай.

Естественно, что возвращение на родину уйгуров, получивших боевой опыт в Сирии, нежелателен для Пекина, так как боевики могут реально дестабилизировать ситуацию в Китае. Нельзя забывать и о соседних Афганистане и Пакистане, где уйгурские сепаратисты набираются опыта в тренировочных лагерях. Все эти факторы вместе взятые замедляют процесс объединения Евразии в Единое экономическое пространство, что вполне соответствует

¹ ISIS releases video starring its oldest jihadi, an 80-year-old Uyghur grandfather. Shanghaiist. 05.05.2018. – http://shanghaiist.com/2015/06/04/oldest_jihadi_from_china/

² Siria: larmata di uiguri cinesi che combatte Assad. – <http://www.lastampa.it/2016/03/03/esteri/siria-larmata-di-uiguri-cinesi-che-combatte-assad-caEpmembsbj0s5B3c0gzxHN/pagina.html>

целям США ослабить Китай как конкурента и не позволить объединенным усилиям России, Китая и других стран создать сильную Евразию и противостоять американскому капиталу. Китай, укрепивший свои экономические позиции в мире, в содружестве с Россией мешает США навязывать свою волю другим государствам. На примере Китая становится очевидно, что «исламский джихад» используется как рычаг давления на неугодные Вашингтону страны. Начав с поддержки афганских моджахедов, исламистский призыв при финансовой поддержке США, НАТО и Катара распространился сначала среди албанцев-мусульман в Косове и Югославии, среди кавказских сепаратистов в РФ, способствовал радикальному джихаду в Ливии, развалил Ирак и попытался развалить Сирию. Теперь, видимо, есть проект ослабить Китай...

Уйгуры входят в самый большой отряд иностранцев, воюющих вместе с «Хаят Тахрир Аш-Шам» на территории Сирии. Корреспондент агентства *Associated Press* в беседе с боевиками из Китая выяснил, что главной причиной их участия в военных действиях в Сирии была не ненависть к режиму Асада, а «желание приобрести военный опыт для последующей борьбы с китайскими властями»¹.

Понимая это, в Пекине задумались о перспективах возвращения уйгуров на родину. В декабре 2015 г. Китай принял первый закон о борьбе с терроризмом, позволяющий Китайской армии вести военные действия на территории других стран. Были проведены первые военные маневры за пределами Китая. Правда, в какой стране – не было указано. Вероятно, в Сомали, где в Джибути Пекин организовал свою первую военную базу². В 2016 г. Пекин направил в Сирию военных советников с целью оказать стране помощь в подготовке личного состава Вооруженных сил. Китайские военные также хотели «изучить методы ведения боевых действий – например, противодействия тоннельным подрывам (когда радикалы прокапывают тоннели под позиции правительственных сил и подрывают их, вызывая обрушения укрепленных объектов на поверхности), борьбы с техникой, управляемой смертниками»³.

¹ Муханнад Аль-Хадж Али. Взгляд уйгуров в Сирии обращен в сторону Китая. 27.12.2017. Al Modon. – <https://inosmi.ru/politic/20171227/241098276.html>

² Китай разрешил армии проводить антитеррористические операции за рубежом. – <https://www.rbc.ru/politics/27/12/2015/567fbed89a79472b029fde51>

³ Рыбин А. Китай спешит на помощь Асаду. Китай посылает своих военных в Сирию. Газета. ру. 18.08.2016. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/17_a_10135913.shtml

Кроме того, Пекин сотрудничает с правительствами Казахстана и государств Средней Азии, для которых проблема возвращения соотечественников, воевавших в рядах радикальных мусульманских группировок, также стала чрезвычайно актуальной.

К концу сирийской войны (а в этом уже нет сомнений) иностранные боевики из Китая и стран Средней Азии сосредоточились в Идлибе. По словам Мурата Йеткина, главного редактора турецкой газеты «Hürriyet», «в провинции Идлиб находится 60 тыс. боевиков-джихадистов, из них 15 тыс. “иностранцев”»: около 600 из европейских стран, около 6 тыс. из Чечни и российского Кавказа и около 7 тыс. из Центральной Азии, в основном из Кыргызстана и Узбекистана, а также из Китая»¹. Летом 2018 г. уйгурские боевики сосредоточились вокруг города Джиср аш-Шугур (20 км от турецкой границы), где находится база уйгурского ИДВТ².

В сентябре 2018 г. Россия и Турция подписали меморандум о стабилизации обстановки в районе Идлиб. Было также решено создать зону деэскалации, которая будет отделять сирийские правительственные силы и вооруженные формирования оппозиции. Сам отказ от зачистки этой территории свидетельствует о том, что есть понимание присутствия там большого количества гражданского населения – жен и детей боевиков, а также местных жителей. 28 сентября 2018 г. министр иностранных дел России С. Лавров заявил, что из Идлиба выводятся тяжелые вооружения. Одновременно по гуманитарному коридору Тель Султан – Абу-ад-Духур, созданному российскими военными, город покидали тысячи мирных граждан. Боевики отпустили только стариков, женщин и детей. Есть основания полагать, что судьбой оставшихся боевиков и их семей занимается Турция³.

В конце сентября 2018 г. телеканал «Аль-Арабия» сообщил, что между Россией и Турцией возникли серьезные разногласия по поводу вывода боевиков. Россия требует передать покидающих Идлиб боевиков правительственным войскам Сирии. Со своей

¹ Семь важных вопросов про Идлиб и роль Турции. 12.09.2018. – <http://mk-turkey.ru/blog/Hurriyet/2018/09/06/nyom-interes-u-turcii.html>

² В европейское прессе Исламское движение Восточного Туркестана более известно как Исламская партия Туркестана – The Turkistan Islamic Party.

³ В 2017 г. провинция Идлиб вошла в северную зону деэскалации, ответственность за нее несет Турция. Сирийцы покидают Идлиб. РИА Новости. – <https://ria.ru/syria/20180730/1525559816.html>

стороны Турция, заявляющая о своей озабоченности перспективой получить новую волну иммигрантов, настаивает на отправке боевиков на подконтрольные курдам территории¹. Это подтверждает нашу мысль о том, что Турция стремится усилить свое присутствие на востоке Сирии, в том числе за счет этнически близких боевиков, что связано, прежде всего, со стремлением Турции не допустить создания курдской автономии в рамках Сирии.

Следует отметить, что аффилирование уйгурских джихадистов с боевиками «Хаят Тахрир аш-Шам» (ХТШ) может дорого обойтись уйгурам, так как это объединение, куда вместе с «Джабхат ан-Нусра» вошли другие организации боевиков, приобрело репутацию самой агрессивной части вооруженной сирийской оппозиции. ХТШ, которое еще в ноябре 2013 г. было объявлено единственным законным представителем «Аль-Каиды» в Сирии, обвиняется в многочисленных военных преступлениях. Поэтому, где бы оно ни находилось – в Идлибе или на Востоке Сирии, – его будут уничтожать.

Тем не менее иного выхода у уйгурских боевиков нет. Те, кто сумел ранее покинуть Идлиб, возможно уже перебались в Афганистан или Пакистан, но Пекин, не желающий возвращения китайских джихадистов на родину, постарается предпринять максимум усилий, с тем чтобы решить эту проблему за пределами Китая.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Бабич И.Л.,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
(Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ
ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
РЕЛИГИОЗНОСТИ В ШВЕЙЦАРИИ**

Аннотация. Швейцария – страна, в которой постоянно на протяжении XX–XXI вв. увеличиваются миграционные потоки, поэтому властям постоянно приходится думать о том, как их сдерживать.

¹ Начата эвакуация боевиков из провинции Идлиб. – http://newsru.co.il/mideast/30sep2018/idlib_203.html

В предлагаемой статье, подготовленной на основе источников двух типов: опубликованного (газетного) материала и собранных автором полевых этнографических материалов, рассмотрена государственная мусульманская политика в контексте современной религиозности в Швейцарии. Автор подчеркивает, что Швейцария, по сути, стала первой страной, отказавшейся от столь распространенной в Европе в послевоенное время и до сих пор идеи культурной толерантности. Сами власти называют свою политику «политикой нулевой толерантности», которую они активно проявляют по отношению к мусульманским мигрантам.

Ключевые слова: Швейцария; ислам; мусульмане; исламская идеология; государственная власть; швейцарцы; гражданство; толерантность; идентичность.

Швейцария – страна, в которой постоянно на протяжении XX–XXI вв. увеличиваются миграционные потоки, поэтому властям постоянно приходится думать о том, как их сдерживать. В последние десятилетия наблюдается большая эмиграция в страну русских, курдов, турков, французов, португальцев, кавказцев и мусульман со всего мира (преимущественно балканских, восточных мусульман).

Швейцарские мусульмане хорошо организованы, они имеют Центральный исламский совет Швейцарии (CCIS), руководителем которого является не эмигрант-мусульманин, а швейцарец, принявший ислам, – Николя Бланшо. Отметим, что он – не единственный среди коренных швейцарских граждан, которые приняли в последние десятилетия ислам, например Мелани Мухаксери, Нора Илли. Безусловно, это прежде всего женщины, вышедшие замуж за мусульман, в частности Нора вышла замуж за мусульманина Касима Илли. Кроме того, есть и Федерация исламских организаций Швейцарии (FOIS) – глава Монтассар Бен Мрад.

Отметим, что мусульманское сообщество Швейцарии представлено не только мусульманскими эмигрантами, проживающими в стране, но и мусульманами-туристами, поток которых за последние годы значительно увеличился. Как сообщалось в прессе, в 2015 г. путешественников (главным образом, обеспеченных) из

Катара, Кувейта, Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ было почти 1 млн человек¹.

Одной из целей мусульманского сообщества Швейцарии является продвижение своих кандидатур на различные посты в государственном или кантональном руководстве, например в 2014 г. главой Швейцарского совета по религии стал мусульманин, врач по образованию, Хишам Майзар. Хишам родился в Иерусалиме, учился в Гейдельберге, работает в Швейцарии. Цель данного совета – обеспечение мирного диалога среди представителей всех конфессий².

В предлагаемой статье, подготовленной на основе источников двух типов: опубликованного (газетного) материала и собранных автором полевых этнографических материалов, рассмотрим государственную мусульманскую политику в контексте современной религиозности в Швейцарии.

В целом Швейцария во главу угла всей своей миграционной политики ставит сохранение швейцарской идентичности. Все подчинено этой идее. Религиозная политика швейцарских властей, безусловно, стала важной частью миграционной политики и одним из инструментов сохранения швейцарской идентичности. Мигранты и их специфическая жизнь не должны ни в коей мере ослаблять швейцарскую идентичность, которая базируется на сочетании гражданской, территориальной (кантональной) и национально-культурной идентичности. В стране существуют как минимум четыре основных модели культурной идентичности: немецкая (охватывает немецкие кантоны страны, коих большинство); итальянская (охватывает итальянскую часть страны, главным образом, Тичино); французская (охватывает французские кантоны страны) и ретороманская (охватывает кантоны с преобладанием ретороманского языка). Швейцарским властям требуется много гибкости и понимания, чтобы «удерживать» в рамках одной страны, по сути, четыре разных народа – итальянцев, немцев, французов и ретороманцев. Поэтому мигранты лишь добавляют «головной боли» швейцарским властям в этой непростой деятельности.

В целом миграционная политика в стране довольно жесткая. В Швейцарии приняты законы, в которых легализовано преиму-

¹ Гирко Т. Туристы в парандже: Какое будущее в Швейцарии // Наша газета. 15.09.2016.

² Рахимов А. В Цюрихе запретили исламский детский сад // Наша газета. 30.05.2014.

щество местного населения в разных сферах жизни, и в первую очередь в трудоустройстве. Поэтому неудивительно, что и отношение к мусульманам и исламу как религии и религиозным институтам в стране достаточно жесткое. Покажем это на ряде примеров.

Прежде всего отметим, что хотя в Швейцарии нет открытого радикального противостояния и террористических актов, власти выделили значительные средства для предотвращения появления экстремизма в ближайшие десятилетия. Поэтому любые, самые малые проявления радикализма в стране рассматриваются «под микроскопом». Так, 2 ноября 2016 г. швейцарские власти в г. Винтетур задержали имама местной мечети, который вместе с тремя собратьями призывал «убивать недостаточно набожных мусульман»¹. В 2016 г. швейцарским мусульманам был показан фильм одного из руководителя Исламского совета Швейцарии Наима Черни о его путешествии в Сирию без специальной оговорки о том, что он не поддерживает деятельность террористических групп. В результате на руководителей Совета было заведено дело о *пропаганде джихадистского движения*. Или другой пример. В цюрихской тюрьме один из имамов Абдул Рахман аль-Шеха распространял среди заключенных-мусульман брошюру салафит-саудитского происхождения радикального содержания, прославляющую шариат и телесные наказания. Руководство тюрьмы изъяло книги из обращения и уничтожило их².

Тем не менее лояльно настроенные швейцарские мусульмане все время стремятся создавать для себя комфортную нишу для проживания в соответствии с их религиозно-идеологическими ценностями. Приведем примеры.

В 2013–2014 гг. мусульмане коммуны Фолькетсвилль (Цюрихский кантон) и ассоциация «Аль-Худа» решили организовать исламский детский сад. Представляя свою идею, педагоги обещали готовить детей к поступлению в школы в полном соответствии с учебными планами, установленными Министерством образования Швейцарии, но помимо базовых занятий, одинаковых во всех детских садах, планировалось проводить дополнительные уроки арабского языка и исламского богословия. Дети должны

¹ В Швейцарии задержали имама за призывы к убийствам // *INTERFAX.RU*. 2 ноября 2016 г.

² *Гирко Т.* Прокуратура Конфедерации заинтересовалась Центральным исламским советом // *Наша газета*. 28.11.2016.

были воспитываться в исламских традициях. Кантональные власти Цюриха не только запретили создание такого сада, а лишили лицензии ассоциацию «Аль-Худа», которая планировала создать подобное дошкольное учебное заведение¹. Как выяснилось, заместитель директора детского сада, швейцарка Мелани Мухаксери, является активным членом Исламского совета. Власти кантона не устроило то, что учебную программу для детей будет составлять представитель «организации фундаментального толка».

С 2015 г. в стране началось обсуждение вопроса о запрете ношения хиджабов, скрывающих лицо, а также бурок, вуалей и никабов. В 2016 г. один из швейцарских кантонов на референдуме – Тичино (итальянская часть страны) – принял такое решение (точнее референдум был проведен еще в 2013 г, а закон вступил в силу в 2016 г.)². Подобные законы уже работают во Франции, Бельгии и Голландии³. Несколько богатых мусульман специально прошли по улицам одного из тичинских городов – Локарно, чтобы убедиться в действии нового закона. Упоминавшаяся выше швейцарка, мусульманка Нора Илли, вместе с алжирским миллионером Рашидом Некказом и его дочерью были задержаны местным патрулем. Им был выписаны штрафы. Р. Некказ, проживающий во Франции, родившийся в пригороде Парижа в семье эмигрантов (окончил Сорбонну, занялся торговлей недвижимостью и разбогател) и имеющий французское гражданство, уже выплачивал подобные штрафы во Франции⁴. В результате Рашид Некказ отказался от французского гражданства. Выступая против «губительного для свободы» запрета на ношение паранджи в Швейцарии и других европейских странах, он называет себя борцом за права человека во всех направлениях, включая арабские страны. Отметим, что в других кантонах (особенно в Монтрё, где на первой линии домов на берегу Женевского озера «осели» богатые мусульманские семьи) мы постоянно видим мусульманок с полностью закрытым телом и лицом, даже в 40-градусную жару⁵.

¹ Рахимов А. В Цюрихе запретили исламский детский сад // Наша газета. 30.05.2014.

² Гирко Т. Туристки в парандже: Какое будущее в Швейцарии // Наша газета. 15.09.2016.

³ Швейцарский парламент одобрил запрет на ношение паранджи во всей стране // Наша газета. 27 сентября 2016 г.

⁴ Гирко Т. Алжирский миллионер платит штраф за паранджу в Тичино // Наша газета. 05.07.2016.

⁵ Бабич И.Л. Полевые материалы. Монтрё (Швейцария), 2017–2018 гг.

Швейцарские власти попытались распространить закон Тичино о парандже на всю страну, но это не получилось. Нижняя палата швейцарского парламента (Национальный совет Швейцарии) приняла решение о запрете ношения паранджи на всей территории страны. Закон был принят с перевесом в один голос. Об этом во вторник, 27 сентября 2016 г., сообщает «La Tribune de Geneve». «За» проголосовали 88 депутатов, «против» – 87. За основу был принят аналогичный закон, действующий в кантоне Тичино. Нарушителям грозит штраф в 9200 евро. Контроль за выполнением закона возложен на полицию. Для этого в штат управлений внутренних дел была введена специальная должность – «межкультурный посредник», который обучает сотрудников правоохранительных органов общаться с потенциальными нарушителями¹. Между тем Федеральный совет рассмотрел это предложение и отклонил его, так как оно предусматривает единое решение для всех кантонов, что противоречит принципу федерализма. Нормы и правила, регулирующие поведение в общественных местах, традиционно находятся в зоне ответственности кантональных, а не федеральных властей. Другими словами, правительство не будет вносить изменения в Конституцию и предоставляет кантонам право самостоятельно решать, запрещать ли кому-либо появляться с закрытым лицом. Также кантоны должны будут сами определить, как относиться к туристкам в парандже. Сотрудник Министерства юстиции и полиции Швейцарии Симонетта Соммаруга подчеркнула, что *«показывать лицо – это часть нашей культуры»*².

Мнения по этому вопросу в разных регионах Швейцарии разделились. Кантоны Цюрих, Золотурн, Швиц, Базель-городской и Гларус выступают против запрета. Противоположных взглядов придерживаются в Тичино, где за ношение паранджи можно получить сначала предупреждение от полиции, а затем и штраф. В Санкт-Галлене ситуация немного иная: меры будут приниматься в том случае, если человек с закрытым лицом угрожает общественной безопасности и спокойствию. Среди мер: 1) наказание тех, кто заставляет женщин скрывать лицо под покрывалом; 2) необходимо будет всегда открывать лицо при общении с представителями государственных органов, например в офисе миграционной службы.

¹ Швейцарский парламент одобрил запрет на ношение паранджи во всей стране // Наша газета. 27 сентября 2016 г.

² Салимова З. Федеральный совет отклонил инициативу о запрете паранджи // Наша газета. 26.12.2017.

Но самые больше сложности возникают в связи с попыткой внедрения исламских канонов в образовательную систему Швейцарии. Отметим, что как показывают интервью с кавказскими эмигрантами, образовательная система страны направлена не столько на обучение школьников, сколько на создание системы комплексной интеграции детей эмигрантов в швейцарское общество. Дети эмигрантов, прошедшие швейцарскую школу, становятся полностью швейцарцами, полностью повторяя швейцарский образ жизни, вплоть до таких мелочей, как запрет переходить улицу на красный свет. Подросток-грузин, вышедший из школы, уже никогда этого не сделает в Швейцарии¹.

В 2016 г. в стране начались дебаты относительно того, что школьники-мусульмане не хотят пожимать руку своей школьной учительнице (традиционное рукопожатие принято в швейцарских школах). Один из руководителей Исламского совета Николя Бланшо считает, что «рукопожатие не является одной из ценностей, закрепленных в Конституции Швейцарии»², тогда как этот жест противоречит религиозным убеждениям мусульман всего мира (нельзя прикасаться к женщине людям, не являющимся членами семьи). Вначале в некоторых школах Швейцарии, например в Базельском сельском кантоне, местное руководство разрешило ученикам этого не делать. Возглавляющая Департамент образования Женевы Анн Эмери-Торрасинта заявила, что ученики должны соблюдать установленные школой правила, в противном случае им может грозить исключение. Против данного разрешения выступила и Ассоциация преподавателей Базеля, считая, что данное разрешение является «дискриминационным по отношению к женщине» и совершенно не соответствует швейцарским традициям. Возглавляющий Собрание глав департаментов образования Швейцарии Кристоф Эйманн заявил: «Мы не должны допускать отклонения от правил по религиозным причинам»³. В результате школьная администрация аннулировала выданное ею же освобождение от рукопожатия и даже предусмотрела штраф, размер которого может достигать 5000 франков.

¹ *Бабич И.Л.* Полевые материалы. Интервью с В., грузин, 60 лет, Невшатель (Швейцария), 12 июля 2018 г.

² *Гирко Т.* Прокуратура Конфедерации заинтересовалась Центральным исламским советом // Наша газета. 28.11.2016.

³ *Гирко Т.* Путь к швейцарскому гражданству лежит через бассейн // Наша газета. 29.06.2016.

Также школьники-мусульмане отказываются посещать уроки плавания. Такой случай имел место в школе в одной из коммун Базеля. Другой случай, когда мусульманин – эмигрант из Боснии Эмир Тахирович запретил своей 14-летней дочери посещать школьные уроки плавания. Иногда школьники-мусульмане не хотят посещать организованные для всех классов летние и зимние лагеря, что также воспринимается властями как нежелание включиться в швейцарское общество. Уроки плавания и учебные лагеря являются неотъемлемой составляющей образовательной системы Швейцарии. Вышеупомянутая Симонетта Соммаруга подчеркнула, что «в нашей культуре мы обмениваемся рукопожатиями. Это – часть нашей общей жизни»¹.

Главным аргументом против введения ряда исламских канонов в образовательную систему Швейцарии стало то, что путем определенных швейцарских приемов, которые использует школа, дети эмигрантов проходят важный путь интеграции в швейцарское общество. И это действительно очень важно для страны. Поэтому в тех случаях, когда школьники-мусульмане не хотят выполнять требования швейцарской школы, это является основанием в отказе получения швейцарского гражданства. Данное правило касается не только эмигрантов-мусульман, оно касается всех эмигрантов, желающих получить швейцарское гражданство. Как рассказывали нам эмигранты, когда они подавали документы на гражданство, у них попросили документы, свидетельствующие об их участии в различных швейцарских сообществах, например в Обществе «Красного Креста» и др. Швейцарские власти действительно придают большое значение способности желающего стать гражданином Швейцарии интегрироваться в швейцарское общество². И образовательная система Швейцарии является одним из ключевых инструментов адаптации эмигранта к швейцарской жизни, культуре, поведению и т.д.

В 2017 г. Европейский суд по правам человека отклонил жалобу двух граждан страны турецкого происхождения, запретившим своим дочерям посещать совместные занятия по плаванию. Власти Швейцарии не нарушали религиозных прав мусульманских школьников, обязав девочек ходить на занятия по плаванию вместе

¹ Гирко Т. Путь к швейцарскому гражданству лежит через бассейн // Наша газета. 29.06.2016.

² Бабич И.Л. Полевые материалы. Интервью с М., Невшатель (Швейцария), 24 августа 2018 г.

с мальчиками. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отклонил жалобу на швейцарские власти, которые требовали неукоснительного выполнения школьной программы для успешной интеграции девочек-мусульманок в общество. В решении ЕСПЧ отмечается, что швейцарские власти действовали в рамках закона, направленного на защиту учеников иностранного происхождения от общественной изоляции. Жалобу в Европейский суд подали двое граждан Швейцарии турецкого происхождения, запретившие дочерям посещать уроки плавания, на которых занимаются и мальчики. По закону отказаться от посещения занятий с мальчиками можно только после достижения возраста полового созревания, чего не было в данном случае. Поэтому родители, подававшие в суд, были оштрафованы на 1,3 тыс. евро за нарушение своих обязанностей¹.

В результате мусульмане пошли «на попятную». Федерация исламских организаций Швейцарии (FOIS) объявила швейцарским мусульманам, что рукопожатие между мужчиной и женщиной «теологически» разрешено. Руководитель FOIS Монтассар Бен Мрад сказал: «Я рекомендую ученикам пожимать руку учительницы, так как они должны проявлять уважение. Но нужно также проявлять терпимость по отношению к тем, кто думает иначе. Беседа с учеником и его родителями позволит выяснить его мотивацию и объяснить важность такого приветствия в швейцарской культуре». Мусульманские руководители уже так говорят: «Недопустимость рукопожатия с женщиной может быть оправдана нормами хадиса (предание о словах и действиях Пророка Мухаммада), но нигде не упоминается в Коране»². Впрочем, возглавляющий Центральный исламский совет Швейцарии (CCIS) Никола Бланшо заявил, что «рукопожатие не является одной из ценностей, закрепленных в Конституции Швейцарии», посчитав разгоревшиеся дебаты неоправданно бурными.

Отметим, что швейцарские мусульмане стремятся занять в стране активные позиции. Так, в марте 2014 г. впервые в истории страны на пост главы Швейцарского совета по религии был избран мусульманин. Врач по образованию, Хишам Майзар родился в Иерусалиме, учился в Гейдельберге, работает в Швейцарии.

¹ Мусульманским школьницам в Швейцарии придется плавать с мальчиками // 10 января 2017 г. – <http://izvestia.ru/news/656634#ixzz4VNrAIws7>

² Гирко Т. И никто не подаст руки // Наша газета. 07.04.2016.

Именно на его плечи возложена задача по обеспечению мирного диалога представителей всех конфессий¹.

Заключение

Как нам представляется, Швейцария, по сути, стала первой страной, отказавшейся от столь распространенной в Европе в послевоенное время и до сих пор идеи культурной толерантности. Сами власти называют свою политику как «политику нулевой толерантности»². В Швейцарии фактически были объединены такие понятия, как гражданская, швейцарская и кантональная идентичности. По сути, все аспекты швейцарского образа жизни могут быть элементами и гражданской, и швейцарской, и кантональной идентичности. Даже рукопожатие, которое, как нам представляется, достаточно далеко находится от национально-культурных особенностей, может стать при определенных условиях элементом швейцарской идентичности. Для швейцарцев ценности швейцарской идентичности намного важнее соблюдения прав религиозных меньшинств в их стране.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

¹ Рахимов А. В Цюрихе запретили исламский детский сад // Наша газета. 30.05.2014.

² Гирко Т. Прокуратура Конфедерации заинтересовалась Центральным исламским советом // Наша газета. 28.11.2016.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рахимджанова Н.К.,

младший научный сотрудник
(Институт истории Академии наук
Республики Узбекистан)

ТРАКТОВКА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ В ТУРКЕСТАНСКОЙ ПЕЧАТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (На примере исламской религии)

Аннотация. В статье анализируются сведения, опубликованные в периодической печати Туркестана, освещающие праздники, традиции и обычаи в исламской религии, а также отношение к ним официальной власти. На основе исследованных статей раскрываются оценка и взгляды улемов и просветителей относительно традиций и обычаев, не связанных с исламской религией.

Ключевые слова: Туркестан; периодическая печать; статья; ислам; религиозные праздники; традиция; обряды; улема; шариат; мусульмане.

Культура народов Средней Азии отличается разнообразием своих обрядов, традиций и праздников. Религиозные праздники, традиции и обряды, ставшие неотъемлемой частью духовной жизни народа, не потеряли своего значения в Туркестане и в колониальный период в конце XIX – начале XX в. В периодической печати Туркестана рассказывается о том, как отмечались эти религиозные праздники, традиции и обычаи, а также об отношении к ним официальных властей. В отличие от официальной, на страницах местной печати подвергались критике обычаи, не соответствующие требованиям традиционного ислама, и «религиозные праздники», которые отсутствовали в исламе, но непосредственно связывались с исламской религией. Безжалостно критиковались

встречавшиеся в повседневной жизни традиции, фанатичные взгляды, противоречившие установкам шариата, ставшие ересью. Во многих статьях описываются исламская религия и ее обряды, обычаи в чистом виде, взгляды об исламском просвещении. А на страницах официальной печати религиозные праздники и обряды изучались русскими исследователями непосредственно, так как они отмечались на практике и представлялись в виде этнографического исследования.

На страницах местной и официальной печати было размещено около 100 статей, посвященных двум Священным исламским праздникам – Хайит и Рамазан (Рамадан). В этих статьях рассказывалось о праздновании и обрядах, которые проводились в эти дни. Месяц Рамазан в Туркестане, как и во всем исламском мире, проходил с особым величием и праздничным настроением. Наблюдение за прохождением этих Священных дней вызывало особый интерес у европейских исследователей.

В газете «Самарканд» приведено очень много сведений о месяце Рамазан. Как отмечалось в них, в городах и кишлаках Туркестана и Бухары месяц Рамазан проходил празднично, во всех мечетях и на кладбищах проводилось чтение Корана в память о покойных. В первую неделю таравих совершался в кварталах (гузарах) и мечетях, в некоторых мечетях разделившись на 4–5 групп; чтение (хатм) проводилось и в частных домах.

В махаллях представители среднего и зажиточного сословий по очереди давали угощение, приглашая на ифтар. Даже для исполнения хатм в мечетях ставили самовары и давали угощения. 3–4 кары по очереди исполняли хатм, каждому из них давали вознаграждение в размере от 10 до 100 руб. Для того чтобы послушать хатм и исполнение Корана, люди по вечерам ходили из мечети в мечеть. После таравих-намаза община суфиев, в частности ишаны с сотнями своих мюридов в мечетях или в своих домах, продолжала тайные религиозные радения джахрия. За 1–2 часа до чтения намаза аср на базарах оживлялась продажа лепешек, чая, молока, а на минаретах исполнялись национальные музыкальные мелодии. После совершения намаза аср верующие приступали к разговению. После ифтара люди направлялись на хатм и таравих в мечети и на кладбище, некоторые из них – на базары, чайханы и посещали зрелищные мероприятия. Центр города и лавки были открыты до утра, в местах, где можно было поесть, горели фонари, в центре города собиралось множество людей, в каждом ларьке слышались национальная музыка, пение молодых, танцы продол-

жались до вечера, пока с минаретов не будут услышаны звуки больших карнаев – медных труб. Как отмечается на страницах печати, в связи с наступлением Священного месяца Рамазан в 1906 г. дирекция Ташкентского трамвайного депо в пятницу 6 октября продлило движение трамваев от рынка Старого города Ташкента до Урды до 24:00 час.

В священные дни, например в день празднования Курбан-Байрама, после совершения намаза во время Хайита мусульмане сначала направлялись к своему религиозному наставнику, к примеру в дом к ишану или улему, и поздравляли его с праздником, а если кто-то из членов их семей покинул этот мир в недавнем прошлом, читали в память о нем молитву из Корана. Это, в свою очередь, считалось одним из обрядов, который исполнялся местным населением.

На страницах печати встречается много сведений о праздновании религиозных праздников в исламе местным населением и отношении к ним официальных властей. Для того чтобы посмотреть и понаблюдать за этими праздниками, старую часть города посещали представители власти, русские ученые-востоковеды и другие представители различных национальностей и религиозных конфессий.

Например, на страницах газет сообщалось о посещении во вторник 20 августа 1913 г. праздничного намаза Рамазан в Соборной мечети Шайхантахур в г. Ташкенте Туркестанским генерал-губернатором, военным губернатором Сырдарьинской области, представителями городских властей и несколькими официальными лицами. В намазе принимало участие очень много людей, они заполнили внутреннюю часть мечети, ее двор и даже крышу, растянувшись вплоть до кладбища. Как говорится далее, праздничное богослужение (Хайит намаз) не начинался до прибытия военного губернатора и представителей власти, местные жители вынуждены были ждать их, и только после их прибытия было дано разрешение для чтения Хайит намаза.

Как видно из этой статьи, власти старались принимать непосредственное участие в религиозной жизни местных мусульман, изучать и контролировать их, а при необходимости напрямую вмешивались в их деятельность. До начала XX в. администрация Туркестанского генерал-губернаторства два раза рассылала во все мечети печатный вариант специальной дуа (молитвы) с требованием читать этот текст на пятничном хутба с благословением русского императора и его семьи. Текст этой молитвы был создан с участием

народных судей (казиев), переводчиков, представителей власти и утвержден генерал-губернатором. В печати отмечается, что была использована брошюра «Хутбалик», которая впервые была издана литографским способом на татарском и арабском языках в 1888 г. в Казани. В том же году по приказу властей эта брошюра была издана для имамов мечетей тиражом 1500 экземпляров. Во второй раз текст молитвы хутба был опубликован в официальной русской печати в 1892 г. В статье подчеркивается, что генерал-губернатор края посчитал важным распространение текста молитвы во всех мечетях. Как видно из текста, власти старались использовать в своих интересах даже религиозные обряды.

Одним из религиозных обрядов, отмечаемых среди некоторых народностей Туркестанского края, был «Яздагум», который праздновали в основном ишаны, дервиши и их последователи, относящие себя к (ордену) тарикату Кодирия. В официальной печати и Туркестанских сборниках представлена подробная информация об этом празднике. Но в них не приводятся сведения о значении этого обряда, о его историческом происхождении. Очень мало сведений о том, как, где и кто отмечал этот праздник, о форме проведения и использованной религиозной литературе.

Слово «яздагум» взято из персидского языка и переводится как «одиннадцатый». Как отмечает автор, этот обряд отмечался 11 числа месяца Ашура. Как отмечается в печати, эта церемония проводилась в пятницу 30 мая 1897 г. Дервиши тариката (ордена) Кодирия во главе со своими ишанами этот день отмечали в качестве праздника. Но не все ишаны этого тариката (ордена) отмечали эту церемонию 11 числа месяца Ашура. В газетах писали, что эта церемония праздновалась в доме у Юсуфходжи ишана из махалли Джаркуча в Ташкенте ежегодно: «С полудня начинали прибывать “закиры” и “мухлисы” (приверженцы) ишана. Среди них были и старики, которые несли на руках даже пятидесятника махалли со сломанной рукой. В свою очередь, ишан благословлял каждого гостя. Родственники ишана размещали гостей с большими почестями. Они угощали гостей чаем, лепешками, сушеными фруктами. После того как собралось 70 человек, они расселись в круг. В один ряд располагались певцы и музыканты. Во время проведения обряда ишан и его мюриды тоже садились, образовав круг». Характерное для Востока расположение в круг автор объясняет следующим образом: «Круг – это символ равенства и вечности». Они держали в руках религиозные, литературные и философские книги, самые лучшие произведения суфиев, и дервиши громко читали

зикр (радение), молитвы, газели поэтов-суфиев религиозного, философского содержания, прославляющие Аллаха. Если один уставал, продолжал следующий. Зикр этого дня во многом отличался от других дней. После завершения церемониальной молитвы раздавали приготовленное во дворе дома знаменитое в среде дервишей блюдо «халим». Автор статьи, называя это угощение «блюдом дервишей», рассказал о древней истории этого яства. В частности, как пишет Наршахий в своем произведении «История Бухары», в месяц раджаб 325 года по Хиджре в Бухаре произошел большой пожар, разрушивший значительную часть города. Этот пожар начался в той части базара, где готовили халим.

Для приготовления халима в этот праздничный день требовалось мясо четырех баранов и пять пудов зерна. Угощение этим блюдом стало традицией на собрании суфиев. «Яздагум» начинался около 5 часов вечера и продолжался 12 часов.

В свою очередь, один из улемов-просветителей, бухарец Мухаммад Икрам ибн Абдусаллом, в своей брошюре, изданной в 1912 г., подвергает критике обряд суфиев «Яздагум», считая его ересью, предрассудком, противоречащим догмам ислама. На страницах печати встречаются сведения о праздновании мусульманами края праздника «Мавлуддин-наби» – дня рождения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение) 12 числа месяца рабиул аввал. В местной печати говорится о том, каким почитаемым и уважаемым является этот день для исламского мира, и призывается к празднованию этого дня. Также в статье отмечается, что этот день является «нашим религиозным, историческим, национальным днем». Как пишется в другой статье, в связи с днем «Мавлуддин-наби» в Ташкенте существовала еще одна церемония, согласно которой ишаны угощали своих мюридов, учеников и последователей. Впоследствии эта церемония приобретает бóльший размах, по которому ишаны и другие религиозные улема угощали простых людей с обязательным приготовлением национального блюда – плова. Этот праздник назывался днем «Аруз». В дни религиозных праздников представители местных богатых слоев устраивали угощения с богоугодной целью. В частности, в день «Мавлуддин-наби» (день рождения Пророка Мухаммада (мир ему и благословение)) месяца рабиул аввал 1893 г. такие ишаны, как Хазрат Миён Солих, Хазрат Миён Фазли, Миён Фазли Гафур, устроили в Ташкенте угощения с богоугодной целью. Ишаны, имена которых приведены выше, принадлежали тарикату Накшбандия-хуфя.

Угощения «Аруз» устраивали суфии, ишаны, относящие себя к этому тарикату.

Благотворительные угощения «Аруз» проводились в разное время, потому что эту церемонию осуществляли несколько ишанов. Угощения «Аруз» в течение нескольких дней поочередно проводились в домах у тех или иных ишанов в разных районах города. В 1893 г. такие праздничные угощения начались с 9 числа месяца. На вечерний торжественный ужин собирались близкие ишана, самые лучшие ученики, а на следующий день – не особо важные, но многочисленные гости. Приглашенные собирались в соответствии с отдельным списком. Ранним утром 10 сентября 1893 г. в старой части города Ташкента многие люди направились на угощение «Аруз» к ишану Хазрат Миён Фазли Мухаммад Хазрат Миён Калонов. Автор статьи описывает этот праздник в качестве исследователя, в котором принимал участие и наблюдал лично. Его интересовало, сколько человек и представители каких слоев придут на угощение «Аруз» того или иного ишана. Исходя из этого, он стремился определить количество последователей каждого ишана. Автор не приводит никаких сведений о смысле и содержании этого праздника, о религиозных молитвах и обрядах, отмечая, что это его не интересует.

Еще одним религиозным, священным днем для мусульман края был «Лайлат-ул барод» (согласно исламскому учению, ночь «барот» на 15 число месяца Шаъбон по календарю хиджры мусульмане проводили без сна и в молитвах, а днем держали уразу. Считается одной из священных ночей в исламском мире, в Священных книгах отмечается как «ночь, исполненная достоинств»), и, как писали в газетах, местные мусульмане этот праздник отмечали в один из последних дней августа 1909 г. в мечетях. Как пишется в статье, в эту ночь «барот» мусульмане как и в других мечетях, так и в мечети Шайхантахур в Ташкенте проводили ночь в молитвах. В своих молитвах община мечети просила у Всевышнего завершения сезона хадж этого года в благополучии.

И на страницах официальной печати, и в местных газетах и журналах с беспристрастием сообщалось, что религиозные праздники и священные дни народ ожидал с нетерпением и праздновал с удовольствием. Вместе с тем в местной печати наряду с призывом к уважительному отношению к священным дням исламской религии, пропагандой повсеместного празднования подвергалась критике невнимательность к проведению религиозных праздников.

Еще в одной статье автор задается вопросом: «Почему туркестанские мусульмане не празднуют день рождения (мавлуд) Пророка (мир ему и благословение), его вознесение на небо (меърож) и другие, считающиеся священными, дни?» – и с сожалением говорит, что даже в пятничные дни уменьшилось количество молящихся и посещающих своих близких.

В статье подчеркивается, что наряду с другими священными днями необходимо уделять особое внимание пятнице, которая имеет огромное значение в исламском мире.

В статьях резко критикуются неверные фетвы (постановления, устанавливавшие допустимость того или иного действия с точки зрения шариата) по поводу проведения религиозных праздников и обрядов, происходящих вследствие невежества предводителей религии, и призывается к правильному разъяснению простому народу положений исламской религии и истолковыванию ее обрядов. Например, «начало месяца Рамазан казии и муфтии объявляют поразному, тем самым принижая значение исламской религии в глазах чужеземцев, распространяя семена раздора между мусульманами».

Противоречивость и невнимательность в определении начала религиозных праздников, отсутствие единства во взглядах, а также несогласованность в решениях улема могут нанести вред единству религии, авторитету ислама, в том числе привести к таким негативным явлениям, как религиозный разлад и групповщина. Прекрасно осознавая такое положение, автор статьи призывает улема к единению: «Было бы желательным, чтобы уважаемые казии и представители духовного управления – улема, не предаваясь беспечности, сообщали в национальных газетах о начале месяца Рамазан».

Как известно, на территории Средней Азии проживали в основном представители суннитского направления в исламе. Шииты составляли среди них меньшинство. Наряду с суннитами, шииты также праздновали свои праздники и совершали обряды. В одной из статей, опубликованной в печати, рассказывается о проведении своих религиозных праздников проживающими в Ташкенте персами-шиитами: «19 декабря 1911 года на улице Варвара иранцы города Ташкента отмечали религиозный праздник “Шахсейвахсей”, посвященный святому для них Али (радыяллаху анху – да будет доволен им Аллах) и Хусейну». Еще в одной статье приводится краткая информация о проведении своего праздника в пятницу 25 февраля 1905 г. персами-шиитами, как и прежде, в парке «Олимпия» на пересечении проспекта Обухова и улицы Шахрисабзской г. Ташкента.

В статьях, опубликованных в «Туркестанском сборнике», подробно освещаются значение праздника «Шахсей-вахсей» для шиитов и проведение этого праздника шиитами Средней Азии.

Как рассказывается в одной из статей, в 1904 г. в мечети на границе с Новой Бухарой собрались несколько сотен шиитов – персов и бухарцев. Эти празднества продолжались две недели.

Несмотря на то что некоторые праздники и отмечались в рамках исламской религии, на самом деле они не имели никакого отношения к исламу, а относились к доисламским верованиям и взглядам. На страницах печати такие обряды и праздники подвергались критике. В качестве примера можно привести широко распространенный среди женщин и девушек Туркестана обряд «Биби-сешанба». Как свидетельствуют представленные в печати статьи, этот обряд был подвергнут критике улема и просвещенными людьми своего времени, которые считали его не соответствующим шариату. Этот обряд не имел никакого отношения к исламу, напротив, расценивался как предрассудок, оставшийся от языческой религии (возможно, подразумевался зороастризм. – Р. Н.). Подробности этого обряда детально описаны на страницах печати.

Как видно из вышесказанного, на страницах печати с точки зрения шариата старались дать оценку обрядам, традициям, которые проводились под прикрытием ислама, призывали улема края объединиться в борьбе за разрешение социальных, религиозных, нравственных проблем в обществе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что вопреки жесткому контролю имперского правительства над колониальным краем народ продолжал вести прежний образ жизни, проводил религиозные обряды и праздники, свои обычаи и традиции. Примером тому могут служить статьи русских и местных авторов, опубликованные на страницах печати. На страницах местной печати призывалось реформировать религиозные праздники и обряды, проводить их на основе принципов ислама и очистить их от ереси и предрассудков. Так, авторы стремились увеличить количество статей, служащих повышению религиозного просвещения местного народа, призывая улема активно выступать в печати. Они призывали улема не быть равнодушными к проведению религиозных праздников, священных дней и обрядов. Русская официальная печать религиозные обряды, праздники и обычаи истолковывала на основе этнографических исследований.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Ачилова Г.М.,
младший научный сотрудник
(Институт истории АН РУз)
**ТРАДИЦИОННАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ КУЛЬТУРА
И ОБЫЧАИ КОЧЕВНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ
СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ ЧИНГИЗИДАМИ**

Аннотация. Статья посвящена состоянию всех сфер, включая административное управление в истории Центральной Азии, в период Чингизидов, который является самым сложным в ее истории. В статье представлена информация о кочевой и оседлой форме управления.

Ключевые слова: Средняя Азия; Маверауннахр; Чингизиды; империя Чингисхана; Чагатайский улус; кочевые народы; ислам.

В настоящее время уделяется особое внимание достоверному освещению различных периодов истории мусульманского управления на основе досконального исследования исторических источников. Как известно, одним из спорных вопросов является традиционное мусульманское управление в Средней Азии в период Чингизидов. Сравнительный анализ исторических источников может внести определенные изменения в существующие до сих пор взгляды.

Известно, что после смерти основателя огромной империи – Чингисхана в 1227 г., завоевавшего большую часть Европы и Азии, захваченные территории были разделены между его сыновьями: Джучи (1184–1227), Чагатаем (1224–1242), Угэдэйем (1186–1241) и Тулуйем. Территории, перешедшие под управление наследников Чингисхана, в административном отношении были разделены границами. Разделенные между принцами области стали называться улусами. Среди улусов большая территория, переданная во владение Чагатаю, в отличие от других, стала называться именем правителя – «Чагатайский улус».

По вопросу территорий, входивших в состав Чагатайского улуса, в источниках встречаются различные сведения, так как в источниках о государствах, перешедших под управление наследников Чингисхана, практически отсутствуют источники о Чагатайском улусе, написанные местными историками. В некоторых работах приводятся сведения, что территория Центральной Азии, на протяжении почти целого века, до завоевания монголами, входившая в состав государства Караханидов (за исключением Мавера-

уннахра, который с 1210 г. входил в состав государства Хорезмшахов), полностью перешла во владение Чагатая. Эти сведения встречаются в фундаментальном произведении по истории монголов русского ученого В.В. Бартольда и Михала Бирана, который в настоящее время специально занимается историей этой династии. Изучая произведения этих авторов, можно заметить, что по вопросу определения территории Чагатайского улуса они опирались на персидские источники XIII в. В произведениях Рашидиддина и Джувайни, считающихся основными источниками по истории периода правления монголов, подчеркивается, что территория Чагатайского улуса состояла из Кашгара, Яркенда, Хотана, Восточного Туркестана, Семиречья, Маверауннахра и восточной части Хорезма. Однако в источниках XIV в. и последующих периодов о территории Чагатайского улуса встречаются другие сведения. В частности, в произведении автора периода Тимуридов Низамиддина Шомий сообщается, что Чагатаю были переданы территории Маверауннахра, часть Хорезма, земли уйгуров, а также Кашгар, Бадахшан, Балх и область от Газны до берегов реки Синд. Такие сведения встречаются в произведениях Мирзо Улугбека, Абулгази Бахадырхана и в источнике XVI в. – работе Хуршоха. Э. Оливер, один из первых европейских исследователей истории чагатайского периода, также повторяет сведения этих авторов.

Можно предположить, что представленные вышеупомянутыми авторами сведения являются важным моментом для внесения ясности по многим вопросам. В частности, в публикациях советского периода приводятся сведения о том, что владения Чагатая не распространялись на земли к югу от Амударьи. В действительности же чагатайские ханы постоянно претендовали на земли к югу от Амударьи.

Государство Хулагуидов (1256–1353), образованное на территории Ирана и Ирака на 30 лет позже Чагатайского улуса, захватило принадлежавшие ему земли. Впоследствии это стало причиной похода Амира Темура на Хорасан от имени Чагатая. И такое положение свидетельствует о правомерности действий Амира Темура с точки зрения закона. Сведения, приводимые Б. Ахмедовым, также подтверждают эту мысль – согласно его утверждению, хан Кебек (1318–1326), положивший начало процессу перехода чингизидов к оседлой жизни, первоначально установил свою власть в Хорасане, а еще точнее, в Балхе. По этому поводу автор приводит следующие сведения: «Балх и сопредельные с ним районы стали быстро восстанавливаться к концу правления Кебекхана из рода

Чагатая». Таким образом, на основе источников XIV и последующих веков, можно сделать вывод, что до 60-х годов XIII в., т.е. до образования государства Хулагуидов, земли южнее Амударьи входили в состав Чагатайского улуса.

Результаты изучения территории Чагатайского улуса показали, что с точки зрения административного управления она была разделена на две, отличающиеся друг от друга, части. Образ жизни населения предопределил образование на этих территориях своеобразной формы управления. К первой относятся принадлежащие кочевникам территории, на которой находились города, расположенные в бассейнах рек Или, Алмалык, Семиречье и Каялык. В период господства монголов в Центральной Азии эти области исполняли задачу административного центра, здесь располагалась главная резиденция хана. Вторая часть, т.е. оседло-земледельческие области от побережья Сырдарьи до Хорасана, на протяжении многих лет являлась экономической опорой монголов. В Чагатайском улусе, образованном на основе этого разделения, управленческая власть монголов была установлена на основе обычаев кочевников и традиций жителей оседлых областей. Исследование системы управления Чингизидов в Центральной Азии показывает, что за полуторавековой период их господства обстановка менялась неоднократно. Этот процесс в зависимости от политической ситуации в империи неоднократно менялся. Поэтому процесс государственного управления целесообразно изучать, разделив его на следующие периоды: к начальному этапу относится период объединенной империи монголов (1227–1260), когда все территории управлялись единым правителем – каганом. От ханов улусов требовалось подчинение приказам кагана. Поэтому Чагатай и еще несколько ханов после него по всем вопросам подчинялись Великому кагану. Но можно сказать, что ханы Золотой Орды в этот период считали себя достаточно независимыми. По этой причине очень скоро, переняв местную форму управления, им удалось централизовать государство. В этот период на оседлых территориях Чагатайского улуса, где под руководством местных представителей высших слоев сохранялись мусульманские традиции, была установлена форма правления, служившая интересам кочевников. Точно такое положение наблюдалось в управлении каракитаев, правивших Маверауннахром до 1210 г. Представители этих двух династий исповедовали иную религию и почти не разбирались в системе мусульманского управления. Вместе с этим взаимодействие кочевников и оседлого населения в Средней Азии происходило намного сложнее, чем

в других монгольских государствах. Безжалостная политика Чагатая по отношению к мусульманам и неукоснительное соблюдение Великой Ясы (уложения Чингисхана) способствовали относительно длительному сохранению традиций кочевых монголов в Средней Азии. Эта система, заложенная Чагатаем, действовала вплоть до начала XIV в.

Второй этап (с 1260-х годов до начала XIV в.) можно охарактеризовать как период распада общемонгольской империи и образования независимых от контроля кагана государств на территории, которыми владели наследники Чингисхана. В этот период в Чагатайском улусе возникло двоевластие. Государством совместно управляли Кайду – представитель дома первого кагана империи Угэдэя (с 1229 г.) и потомки Чагатая. Возникновение двоевластия стало причиной чрезвычайного ухудшения жизни населения оседлых районов, так как оно вынуждено было одновременно выполнять требования представителей двух властей. Появление в этот период такой формы правления и непрерывные междоусобные войны монгольских государств объясняются также тем, что Чингизиды придавали большое значение господству в Средней Азии. Эта территория была для них не только экономической базой, но и выполняла роль моста для проникновения в другие страны Азии и Европы.

К третьему этапу относится период с начала XIV в. до разделения Чагатайского улуса на две части в 1340 г. В результате перехода к оседлому образу жизни чагатайских ханов и принятия ислама произошли большие изменения в управлении: монгольские ханы от традиционных монгольских методов управления перешли к местной мусульманской форме правления. Этому процессу положило начало решение Кебекхана (1309–1318) о принятии оседлости. А принятие Тармаширином (1326–1334) ислама в качестве религии стало причиной окончательного внедрения местных традиционных форм управления, которые существовали здесь с давних времен. Однако такое смешение оседлой и кочевой культур привело к разделению Чагатайского улуса. Усиливаются противоречия между сторонниками двух тенденций развития, зародившиеся еще во времена установления монгольского правления и приведшие к многолетней борьбе между ними. В результате Чагатайский улус разделился на Западную и Восточную части. Маверауннахр, входивший в Западную часть, также распадается на небольшие бекства (провинции), в административном отношении превратившись в мелкие владения различных племен.

Важным аспектом в освещении системы управления является исследование вопроса о титулах и государственных должностях, существовавших в центральном и на местном уровнях управления во время господства Чагатаев. Известно, что после образования монгольской империи государственное управление было сформировано на основе традиций древних тюркских народов. Во всемонгольской империи верховным правителем считался каган. Великий каан (Великий хан), или каган, в качестве верховного сюзерена всех сановников государства и главы правящего рода управлял всей территорией страны, в том числе и улусами. По своему рангу после кагана стоял хан улуса. Как было во все времена у всех тюркских народов, так и у монголов, в управлении государством первый помощник кагана считался верховным визирем. А в Чагатайском улусе с преимущественным проживанием тюркских народов второй после хана человек в управлении государством назывался доруга, или доругачи. Каган не позволял правителям улусов постоянно вмешиваться в дела по управлению территориями и отдавал приоритет управлению доругачи.

Под контролем правления доругачи, внедренного в качестве нововведения в традиционное управление в Маверауннахре, были образованы учреждения, занимавшиеся вопросами экономики, военных дел и юстиции. В подчиненных городах наряду с доругачи находились малики. После нашествия монголов доругачи становятся представителями военной власти монголов на местах, а затем на них были возложены задачи сбора налогов и доставки податей во дворец или резиденцию хана, организации почтовой связи, сбора войска, постоянного контроля за целевым расходом казны, переписи населения. Самой ответственной задачей доругачи являлось управление финансовой системой государства. По этой причине Махмуд и Маъсуд Ялава́чи считались также непосредственными визирями финансов хана. Исходя из того, что почти все отрасли управления были возложены на представителей местного населения, можно говорить о заинтересованности Чингизидов в конце XIII – начале XIV в. больше в сборе налогов с населения, чем в управлении Маверауннахром.

Начиная со времен Чингисхана в качестве доругачи оседлых областей выступал Махмуд Ялавач (?–1254). Но в произведении Джамола Карши, являющегося единственным местным автором письменных источников, он описывается не доругачи, а визирем. В китайских источниках Махмуд Ялавач отмечается как главный по сбору налогов с Западных областей. В его распоряжении нахо-

дились монгольские баскаки, являвшиеся опорой монголов в сборе налогов, местные правители, военные чиновники, а также часть монгольских военных отрядов. На Махмуда Ялавача были возложены вышеперечисленные задачи доругачи. В связи с ухудшением отношений Махмуда Ялавача с Чагатаем, после восстания Махмуда Тараби в 1238 г., он был вынужден уехать из Маверауннахра, а его сын Маъсудбек (1239–1289), служивший в это время у Угэдэя, занимает место своего отца. Его полномочия в управлении оседлыми областями были признаны в половине империи. В целом Ялавачи, пришедшие к власти в одно время с Чингизидами, управляли областями в должности доругачи до начала процесса переселения монгольских ханов в Маверауннахр.

Монгольские правители, как и все завоеватели, уделяли большое внимание военной власти для предотвращения восстаний и возникновения движения местных жителей за независимость. По этой причине в областях в качестве военных помощников доругачи назначались танмачи. Однако, по мнению В.В. Бартольда, должность танмачи первоначально была внедрена Угэдэем в качестве организатора учреждений почтовой службы, и только в некоторых случаях они обладали военной властью. Наряду с происходившими преобразованиями, кроме доругачи, в центральном управлении существовали такие высокие государственные должности, как эмир Яса, писарь, хранитель печати и барсолов. Они не принимали участия в управлении на местах, в основном находясь при хане, участвовали в государственных делах. Писарь руководил делопроизводством; эмир Яса надзирал за исполнением приговоров и указов, решений судов; а барсолов организовывал охоту и руководил за соблюдением правопорядка. Хранитель печати занимался представлением печати красного цвета на ярлыки – грамоты хана. Самым большим изменением, возникшим в монгольском управлении в начале XIII в. и принятым в качестве основной формы управления в последующие годы, было внедрение «десятичной» системы, разделение армии и населения на «тысячи». Впоследствии «тысячная» система управления, привнесенная монголами, смешалась с местной формой правления. Монгольские войска, разбитые на «тысячи», по отношению к оседлому населению выполняли полицейские функции, а во время организации военных походов по требованию (талаб) занимались сбором налогов и платежей в пользу хана. Кроме управленческих должностей монголов, основанных на обычаях кочевников, почти полностью сохранились отдельные местные должности. Эти звания и система управления

государством, существовавшие еще со времен мусульманских династий, хотя и потеряли свой прежний вид, но своим совершенством в начале XIV в. заинтересовали ханов улусов. В итоге этот процесс завершился переходом к оседлой жизни и принятием местной формы управления.

Хотя в источниках не встречаются точные сведения о должностях этого периода, опираясь на факты, которые приведены в изученных местных документах, появляется возможность освещения существовавших чинов. В областях с оседлым населением представителями власти считались садры, эмиры туменов, малики, баскаки и визири диванов. Их сыновья или наследники обладали очень большими земельными владениями.

Некоторые придворные должности, сохранившиеся до этого времени, использовались на службе у местных правителей – маликов и садров. В частности, как во времена Сельджукидов и Хорезмшахов, так и в период правления монголов, а затем и при Тимуридах финансово-экономическими вопросами заведовал сановник – мушриф. Человек, занимавшийся вопросами казначейства, назывался муставфий, руководил финансовыми делами в отдаленных областях государства, а также являлся финансовым советником. Свидетельством существования такой должности во времена правления монголов является тот факт, что сын шейха Сайфиддина Бохарзи занимал должность муставфия.

Обладатель должности шихна занимался охраной общественного порядка в области. Он обеспечивал мир и спокойствие народа, в некоторых случаях помогал собирать налоги. По всей видимости, шихна относился к воинскому сословию. Кроме них существовала должность раиса. В каждой крепости, городе и районе существовали люди, занимавшие эту должность. Раис избирался местным населением из числа уважаемых людей города. В период монгольского правления раисы подчинялись местным правителям, руководившим оседлыми оазисами. Мухтасиб контролировал городские рынки. В большинстве случаев на эту должность назначались образованные люди, хорошо сведущие в исламской религии. О. Чехович в своем исследовании упоминает о должности вакила, который сдавал в аренду земли землевладельца и свои личные земли. К примеру, в одном из документов упоминается представитель Фатхабада Ходжа Мухаммад, в котором приводятся сведения о его собственности. Но в домонгольский период во времена Хорезмшахов должность вакила считалась высокой государственной должностью, который занимался во дворце общими вопросами.

Также в документе говорится о таких званиях, как садри джахон, ифтихори джахон, кази, муфти, мехтар, сарроф, мираб.

В местных документах среди диванов встречается название «диван ал-мазолим». Жалобы по отношению к высокопоставленным гражданским и военным чиновникам рассматривались в диване мазолим, возглавляемом местным правителем. Этот диван выносил приговор на основе родовых обычаев при рассмотрении виновности командующих, которые по своему происхождению были тюрками. Это свидетельствует о том, что в те времена кроме шариятского права существовало и обычное право.

В целом, хотя эти государственные должности во времена монголов потеряли свое прежнее влияние во дворце и на государственном уровне, они сохранили свое значение в местном управлении и контроле за большими земельными владениями. Участие мусульманских улемов в управлении является отдельным вопросом, и, по утверждению В. Бартольда, хан не поручал им какие-либо задачи на уровне официальных государственных дел. Улемы могли только давать советы правителям и государственным чиновникам по некоторым вопросам. Такое положение в мусульманском мире существовало только в период правления монголов. Во все другие времена улемы считались основной опорой государства. Сохранение наследственной собственности садров в Маверауннахре и права на управление проживающим там населением дало им возможность удерживать свое влияние, как и в домонгольский период. В частности, после падения власти Караханидов духовная и административная власть в Бухарской области переходит в руки богатого семейства религиозных садров, известного под названием «Садри джахон» (Садры мира), которые и во времена монголов не теряли свою власть.

Оставленные монголами на своих местных должностях малики в большинстве случаев считали себя независимыми правителями. Такое положение стало причиной возникновения внутреннего кризиса в Чагатайском улусе. Из правителей улусов Дувахан (1282–1307), Кебекхан и Тармаширин с целью концентрации в своих руках центральной власти, прекращения своеволия маликов, восстановления хозяйственных отношений проводили административную и денежную реформы. Они провели ряд мероприятий, направленных на улучшение городской жизни, развитие внутренней и внешней торговли, сближение друг с другом кочевого и оседлого населения. Но такая деятельность не находила поддержки со стороны высокопоставленных представителей тюрко-монголь-

ской знати. К тому же чагатайские ханы не проявили твердости в достижении своих целей, что во многом стало причиной неудачи административных, политических и социальных реформ.

Исследование вопросов территории государства Чингизидов и административного управления в Средней Азии показало, что в Чагатайском улусе, образованном в 30-е годы XIII в., появилась своеобразная форма системы административного управления. В управлении государством основная роль принадлежала военным сановникам, а области и районы управлялись правителями, избираемыми из числа представителей местного населения. В первые годы образования Чагатайского улуса монгольские начальники почти не вмешивались в дела местного управления. Такое положение объясняется несколькими факторами. Во-первых, в связи с отсутствием у правителя четких позиций в осуществлении своих целей наблюдалось постоянное вмешательство во внутренние дела представителей улуса Джучи, хулагуидских ханов и кагана. Во-вторых, правители улусов не находили поддержки ни со стороны тюрко-монгольских аристократов, ни со стороны местных правителей. В-третьих, следует отметить усиление внутренних противоречий между ханом и существующей системой по причине несоответствия интересов местной власти и правителей.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

Юсупова Н.Ж.,

кандидат юридических наук, доцент

(Международная исламская академия Узбекистана)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИСЛАМСКОГО ПРАВА В УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются историко-правовые и культурно-нравственные аспекты семейных отношений в исламском праве, а также их урегулирование с социальными, общественно-историческими, социально-экономическими, правовыми, просветительно-организационными основами.

Ключевые слова: семейные проблемы; брачные отношения; права женщины; семейное право; Коран; хадисы.

Несомненно велика роль и влияние семьи в формировании и развитии своеобразной духовности каждой нации, так как самые чистые и кристальные чувства человека, его первые понятия и воображения о жизни формируются в первую очередь именно в семейной среде.

Реформы, осуществляемые сегодня в Узбекистане, где человек и его интересы считаются приоритетными, по своему коренному содержанию служат благополучной и достойной жизни населения.

Семья считается основной социальной ячейкой общества, и все отношения, ценности и традиции в данном обществе связаны в определенной степени с семьей. Семья является священной крепостью, способствующей формированию подрастающего поколения, и занимает важное место в обществе, основой которого она и является. Первичные понятия, присущие нашей национальной идеологии, прежде всего проникают через семью (наставления предков, пример отца, любовь матери).

Семейный быт во все времена имел большое значение в развитии человечества, и поэтому с древних времен особенности семейных отношений, проблемы семьи, предупреждение ее распада интересовали мыслителей всех эпох. В частности, всемирно известные мыслители Узбекистана, анализируя проблемы предупреждения семейного кризиса, создали многочисленные произведения, чтобы довести до широких народных масс семейные принципы ислама. В таких священных источниках, как Благородный Коран и хадисы, встречается множество призывов о сохранении святости семьи и создании брака. В исламской религии создание семьи рассматривается как указание Аллаха пророкам. В частности, в 38 аяте суры «Гром» написано: «Мы посылали до тебя посланников и даровали им супруг и потомство». Как пишется в комментарии к этому аяту, «...когда появилась религия ислам, некоторые люди предъявили претензии к посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) “это что за пророк, пишу принимает, семью создает”, тогда Аллах через этот священный аят разъяснил людям, что Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) тоже сын человеческий, он также может жениться, размножаться, как и другие пророки до него». Согласно хадису от посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует), «Четыре вещи Сунны пророков – это стыд, аромат, применение мисвака (зубной щетки) и брак».

В другом аяте написано так: «Среди его знамений – то, что Он сотворил из вас самих жен для вас, чтобы вы находили в них успокоение, и установил между вами любовь и милосердие» (Рум, 21).

В исламе брак признается священным, а семья нерушимой, защищается святость уз между мужчиной и женщиной и не допускается совместная жизнь мужчины и женщины без заключения брака. Данное обстоятельство удерживает мусульман от легкомысленного отношения к браку и семье. В исламском праве допускается развод только в тех случаях, когда уже нет возможности для продолжения семейной жизни и достижения целей, ожидаемых от нее. По данному вопросу известны следующие хадисы от Пророка: «Женитесь, не разводитесь, потому что от слова развод (талак) дрожат даже небеса Милосердного», «Из дозволенного, которое не по душе Аллаху, – это развод».

В целом в исламском учении по вопросам семейных отношений необходим подход с духовно-просветительского, социально-правового и исторического аспектов, который достигается путем изучения основ формирования, развития и укрепления семейных отношений.

Конечная цель проводимой в Узбекистане политики – это духовное возвышение нации, обеспечение социально-экономического развития общества через духовные качества и моральные критерии. Так, «в формировании и возвышении своеобразной духовности любой нации несравнимо место и влияние семьи. Так как самые чистые и кристальные чувства человека, его первые понятия и воображения о жизни формируются, в первую очередь, именно в семейной среде. Фундамент таких святых понятий, как добро и благородство, любовь, честь и стыд, определяющих характер, природу и мировоззрение ребенка, несомненно создается в условиях семьи».

Как известно, произведения, созданные узбекскими учеными по исламской науке, в частности по исламскому праву и семейным отношениям, духовному наследию, имеют огромное значение в ознакомлении с историей государства и права Узбекистана. Причиной этому является тот факт, что принципы исламского права в течение почти 13 веков действовали в регионе, а их изучение считается изучением значительной части истории государства и права страны.

Правоведы Маверауннахра Средних веков своими произведениями внесли вклад в развитие права ханафитов. Такие бесцен-

ные произведения, как «Фатовой Козихон» Фахруддина Казихана, «Хулосатул Фатово» Ифтихоруддина Тахура ал Бухари, «Ал-Хидоя» Бурханиддина Маргинани, «Мухтасарул-Викоя» Убайдулла ибн Масъуда, «Мажмаъ ул-Максуд» Максудходжа ибн Мансурходжи и многие другие редкие произведения, до сих пор не потеряли своей актуальности. В этих классических произведениях делается вывод, что вопросы семейных отношений существуют с тех пор, как возникло человеческое общество. Вопросы семьи связаны с социальными отношениями в обществе, отношениями между нациями, государствами, культурами и цивилизациями. На каждом этапе исторического развития к данным вопросам был свой подход и стремление к его решению.

С учетом своеобразия норм исламского права необходимо выделять духовно-просветительские, социально-правовые и исторические аспекты при раскрытии правового положения участников семейных отношений в исламе. В большинстве произведений по религиозному юридическому праву, написанных в Мавераннахре Средних веков, исследованы не только нормы шариата, но и местные обычаи, изучены способы решения семейных проблем исходя из условий жизни и обычаев в регионе. Нормы шариата по семейным отношениям и местные ценности были совершенными по своему значению, поэтому их можно использовать и сегодня (например, в вопросах разводов, которые приобретают актуальное значение). Упомянутые в исламском семейном праве такие понятия, как согласие, материальное обеспечение, институты неприкосновенности имущества жены (махр) и осознание сути обязанностей супругов, имеют огромное значение в понимании святости семейного очага.

Самое основное и священное условие создания семьи в исламе – это бракосочетание. В исламе данный вопрос всесторонне проработан. В нем определены условия бракосочетания, основы для признания действительности брака, права и обязанности мужа и жены, вопросы развода. Основная цель условий, указанных в нормах исламского права, состоит из формирования здоровых, чистых брачных отношений. Отношения между супругами строятся не на основе экономической и юридической зависимости жены от мужа или мужа от жены, а на основе взаимопомощи, поддержки друг друга супругами, имеющими равные права и обязанности. В исламе брак – это добровольно созданный союз мужчины и женщины. Нормы исламского права подразумевают дееспособность каждого лица; каждый в браке пользуется личными и имущест-

венными правами при заключении брака и далее. Брак – это священный, вечный и пожизненный союз, его высшая цель – рождение и воспитание детей. Все права и обязанности женщин, вытекающие из семейных отношений в исламе, хотя и соответствуют современному законодательству, в то же время имеют ряд особенностей, проявляющихся в таких имущественных отношениях, как материальное обеспечение, махр, наследство.

Согласно исламскому учению, мужчина и женщина равны в семье и в обществе, они должны выполнять социальные и светские задачи в соответствии со своими нуждами и потребностями и, следуя по пути шариата, заниматься только благими делами. Об этом в 228 аяте суры «Корова» Священного Корана указывается: «Жены имеют такие же права, как и обязанности...», также в 19 аяте суры «Женщины» Аллах приказывает мужчинам: «Вам не дозволено наследовать женщин против их воли». В исламе женщине предоставлено право определять свою судьбу при вступлении в семейные отношения. Кроме того, она имеет имущественные и неимущественные права как дееспособное лицо в семье. В доисламские времена женщине не полагалось имущество, она была лишена права заниматься какой-либо независимой работой, приносящей пользу, была лишена права на наследство. С точки зрения ислама, женщина после вступления в брак не теряет свои имущественные права.

Материальное обеспечение жены (пособие) – это обязанность мужа. Обеспечение, воспитание и обучение детей также является задачей мужа. Если женщина имеет свое имущество, то она может его тратить на детей по своему усмотрению. Также воспитание, образование и культура, развитие дочери входит в обязанности отца, а после вступления ее в брак – это обязанности ее мужа. Материальная помощь для женщины, оставшейся без отца и мужа, возлагается на ее брата или на заменяющее его лицо. В целом в исламе женщина не может остаться без материальной помощи. Обеспечение дочери возлагается на отца, жены – на мужа, сестры – на брата, матери – на сына. Наряду с этим ислам создает для женщин в семье условия в экономической сфере – для предпринимательства и свободного получения образования, в духовно-просветительской сфере – для повышения активности каждой женщины и проявления своих творческих и просветительских граней в соответствии со своими способностями.

В положениях ислама, регулирующих семейные отношения, нашли свое отражение общечеловеческие ценности и идеи гума-

низма, принципы морального воспитания, присущие Востоку. Нормы морали в исламе, хотя отражают нормы права патриархального типа, на самом деле направлены на укрепление семьи и фундамента супружеской жизни. Об этом так написано в 34 аяте суры «Женщины»: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины – благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах...» Согласно решению шариата, муж, прежде всего, ответствен за все финансовые аспекты семьи и является ее защитником. Он – глава семьи, потому что на него возложена такая ответственная задача, как представление интересов всей семьи. И по этой причине, для стабильной дисциплины в семье, от женщины требуется подчинение ему в благих делах. На наш взгляд, лицо, одновременно ответственное за обеспечение внутреннего порядка в семье и защищающее ее, достойно иметь такие правовые полномочия. Заслуживают внимания правила, установленные нормами исламского права, которые должна соблюдать жена по отношению к своему мужу. Они состоят в следующем: во-первых, жена не должна выходить из дома без разрешения мужа, не допускать в дом без его разрешения чужих людей, не должна транжирить имущество мужа; во-вторых, как хозяйка дома должна выполнять домашние работы без принуждения; в-третьих, жена должна согласовывать свое настроение с настроением мужа: если он веселый, жена также должна быть веселой, если муж в плохом настроении, она должна проявлять сочувствие; в-четвертых, жена должна ограничиться тем, что муж приносит в дом, и не требовать от него лишнего и т.д. В исламе женщина, прежде всего, рассматривается, как человеческое существо признается, что она также имеет человеческий дух и душу: «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему и расселил много мужчин и женщин, произошедших от них обоих!..» Ислам целиком признает гуманистические качества женщины, определяет ей сферу образования, дает свободу в финансовых вопросах после достижения зрелого возраста, гарантирует, что ни отец, ни муж не могут вмешиваться в ее дела. Ислам не запрещает женщине трудиться, а наоборот, настаивает, чтобы она занималась работой, которая соответствует ее призванию и таким образом защищает ее от тяжелого труда. Это служит гарантией социальной защиты женщин. Обеспечение детей, воспитание, обучение определены как обязанности отца или старшего брата, а в случае их отсутствия – другого родственника

мужского пола. Экономический фактор имеет огромное значение в обеспечении крепости семьи. Женщина в процессе беременности, рождения и воспитания ребенка не может заниматься трудовой деятельностью для обеспечения себя и ребенка. Данную задачу осуществляет мужчина. Мужчина является защитником семьи, материально обеспечивающим лицом, хозяином орудий труда, дома, предметов быта, кроме того он крепче физически и по этой причине считается ведущим в семье.

Невозможно отрицать значение ислама, который определяет духовно-моральные аспекты жизни людей. Восстановление религиозных ценностей положительно влияет на духовное оздоровление и укрепление семьи. Однако неправильное и поверхностное истолкование исламских семейных принципов может привести к дискриминации женщин в семье и в обществе. Надо отметить также, что в последнее время дискриминируются права и свободы сторон в семье под маской требований ислама и шариата. Оправдание таких «недугов» современности под видом морально-духовных требований ислама – это поддержка поверхностного, мракобесного отношения к вопросу «ислам и семейные отношения» в обществе. Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Будьте справедливыми в отношениях с женщинами и детьми, так как справедливость в исламе – это показатель совершенства человека».

В исламе формируется честное и доброе отношение ко всем членам общества. Это должно в первую очередь формироваться в семье и, в основном, в отношениях между супругами. Об этом много написано и в Священном Коране и в хадисах. Аллах указывает, что каждому мусульманину надо быть в хороших отношениях со своей женой. В хадисе от Абу Хурайры сказано: «Женщина создана из ребра..., если хочешь ее подправить, можешь сломать. Раз так, то к женщинам всегда относитесь милосердно!»

В Узбекистане претворяются в жизнь исламские семейные принципы, такие как воспитание здорового поколения, укрепление семьи, уважение женщин, защита материнства и детства. Создание в обществе достаточных защитных гарантий относится к внутренним компетенциям государства. Все законы, относящиеся к семье любого государства, создаются на основе международных норм и прав, а также религии и обычаев конкретного государства. Нормы религии и обычаев достойны быть частью национального права, и поэтому невозможно отрицать взаимосвязь национальной правовой системы с правилами шариата и обычаями.

Мероприятия, которые осуществляются сегодня в независимом Узбекистане, доказывают, что проблема семьи в стране поднята до уровня государственной политики. А к вопросу семейных отношений в современном обществе требуется подходить с общественно-социальных и национальных аспектов.

Исходя из общих выводов, полученных в результате данной научной статьи, считаем необходимым выдвинуть ряд предложений, на которые необходимо обратить внимание в процессе воспитания и обучения при дальнейшем развитии основной задачи семьи перед обществом и улучшении защиты детства и материнства:

– для дальнейшего укрепления места семьи в обществе, прав сторон, находящихся в семейных отношениях, надо опираться на такие нормы исламского права, которые проверены жизненным опытом в течение веков и которые отвечают интересам семьи. Их необходимо анализировать и правильно истолковывать. На наш взгляд, чтобы достичь этой цели, надо серьезно соблюдать правила, основанные на демократических принципах, относящихся к семейному праву;

– можно достичь снижения количества семейных разводов путем правильного истолкования основ создания семьи, норм, относящихся к правам и обязанностям супругов, основанных на правилах брака и семейных отношений по шариату, которые считаются национальными ценностями Узбекистана. Основная часть сегодняшних семейных разводов возникает из-за несовместимости супругов, сочетавшихся браком в некоторых семьях по воле родителей и не знающих своих прав и обязанностей, а также из-за неготовности к семейной жизни;

– для обеспечения равноправия участников семейных отношений в семье необходимо иметь в виду все гарантии, определенные в исламских правовых нормах;

– для обеспечения крепости семьи необходимо повысить уровень грамотности в области семейного права участников семейных отношений, а для этого надо знакомить молодое поколение с правилами действующего законодательства и принципами исламского права, связанными с укреплением семейных отношений, которые приводятся в произведениях узбекских мыслителей; необходимо готовить молодежь к семейной жизни;

– для реализации государственной политики по делам молодежи, намеченной в пункте 4.5. «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017–2021 годы», необходимо воспитывать в молодых людях высокие

моральные качества, повышать педагогическую культуру и социальную активность родителей, усиливать их ответственность по воспитанию детей, воспитывать молодежь с крепким идеологическим иммунитетом, брать под контроль поведение детей из неполных семей и попавших под влияние «массовой культуры», доводить до широких масс вопросы, относящиеся к теме семьи, а также принимать другие профилактические меры;

– необходимо оздоровление социально-духовной атмосферы в семьях, предупреждение преступлений, совершаемых женщинами и несовершеннолетними детьми, ситуаций суицида, системное осуществление работ по социально-психологической защите женщин, находящихся в депрессивном состоянии;

– в учебных заведениях необходима организация специальных курсов «Школа семьи» в целях подготовки девушек к браку, по повышению их уровня знаний и навыков по раннему браку, репродуктивному здоровью, вопросам гигиены, необходимо широкое разъяснение принципов нерушимости семьи и эффективное использование в этих целях просветительно-воспитательного значения принципов ислама. Так, «распространение богатого, исторического, научного, духовно-интеллектуального наследия, его сохранение без ущерба, научный анализ, предоставление всесторонних сведений специалистам, студентам и ученикам, обучающимся в соответствующих направлениях образования, широкая пропаганда в среде мирового сообщества произведений великих ученых и мыслителей, их эффективное применение в развитии современной науки и образования, культуры, практики, их доведения до будущих поколений» – задача сегодняшнего дня.

Нормы исламского права, которые находятся в крови узбекского народа, занимают огромное место в сохранении чистоты духовного мира граждан страны. Как подчеркивает Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев, «наша священная религия и в будущем без сомнения послужит средством, которое невозможно заменить ничем для объединения нашего народа, независимо от национальности и языка, стимулирует к духовной чистоте, миру, добру, толерантности, взаимоуважению и сплоченности».

Ислам имел огромное значение в формировании национального менталитета узбекского народа, которое, в свою очередь, также имело значительное влияние на развитие образования и науки в нашей стране. По этой причине мы должны передать другим жемчужины наших вечных ценностей, изучать наследие наших

всемирно известных предков, быть достойными их наследия и осознавать значение наших духовных ценностей.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир»

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2018 г. № 1 (307) – 4 (310)**

№ 1 (307)

Ланда Р.Г. Революции 1917 г. в России и страны Востока (с. 5–14); 2018.01.001. *Барановский В.Г.* Изменения в глобальном политическом ландшафте (с. 15–21); 2018.01.002. *Магомедова М.А.* Проявления религиозно-политического экстремизма в Республике Дагестан и меры противодействия (с. 22–25); 2018.01.003. *Тауканова З.Ч.* Этнический фактор в гендерных отношениях и процессах: Кавказский ракурс (с. 25–29); 2018.01.004. *Олимова С.К., Олимов М.А.* Конфликты на границах в Ферганской долине: Новые причины, новые участники (с. 29–39); *Гафуров У.Т.* История формирования и перспективы развития системы исламского образования Управления мусульман Узбекистана (с. 39–53); *Малеки Реза.* Взаимоотношения культур Ирана и России: Вызовы и перспективы (с. 54–59); 2018.01.005. *Шангараев Р.Н.* Идеологические аспекты внешней политики Турции (с. 59–62); *Бибикова О.П.* Ислам и мусульмане Чешской Республики (с. 62–79); *Шаринов У.З.* Геостратегическая роль Запада в обострении политических и конфессиональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке (с. 79–89); *Добаев И.П., Гаджибеков Р.Г.* «Шахидизм»: Разновидность терроризма, прикрывающегося исламом (с. 90–104); *Юсупова Н.Ж.* Особенности семейных отношений в исламском праве (с. 105–112).

№ 2 (308)

Ефременко Д.В. Олигархомахия в постсоветской России: Ретроспективный взгляд (с. 5–16); 2018.02.001. *Шевченко О.М., Тихоновскова М.П.* Угрозы и риски духовной безопасности современ-

ной России (с. 16–20); 2018.02.002. *Старостин А.Н., Ярков А.П.* Мусульмане в Приамурье: Эскиз к историческому портрету (с. 21–30); 2018.02.003. *Рабаданов И.Р.* Геополитика на Каспии (с. 30–34); 2018.02.004. *Савин И.С.* Факторы формирования образа России как угрозы / гаранта безопасности Казахстана (с. 34–38); 2018.02.005. *Гарбузарова Е.Г.* Геополитическое влияние нерегиональных акторов на религиозную безопасность Киргизстана (с. 39–44); *Тоцкой-нова Н.М.* Сотрудничество государств Центрально-Азиатского региона по противодействию терроризму (с. 44–55); *Ниязи А.* Мир, СНГ и Центральная Азия в измерениях индекса голода (с. 55–64); *Манискалко Дж.* Турция как один из основных акторов большой Евразии – альтернатива курсу на евроинтеграцию. (Обзор) (с. 65–75); 2018.02.006. *Дударев К.П.* Ветры перемен над Саудовской Аравией (с. 76–80); *Хадж М.К.* Исторические аспекты реализации внешнеполитической стратегии США на ближневосточном направлении (с. 80–88); 2018.02.007. *Гаджимурадова Г.И.* Европейские мусульмане и мусульмане в Европе: Рядом или вместе? (с. 89–92); *Исламов Ш.* Религиозная пропаганда террористической организации «ИГИЛ» (с. 93–98); *Равшанов М.* Концепт «ислам»: Определение значения знания и разума (с. 99–104); *Мухамедова С.Ф.* Роль Мусы Саиджанова в развитии экономической и финансовой жизни Бухарской Народной Советской Республики (с. 105–112).

№ 3 (309)

Добаев И.П. Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере (с. 5–15); 2018.03.001. *Кузнецов И.М.* Ценностные основы межрелигиозного согласия православных и мусульман России (с. 15–17); *Асиновский Д.Л.* Советский Союз, национализм и религия в Африке и на Ближнем Востоке (1955–1980) (с. 17–30); 2018.03.002. *Апажеева С.С., Мамсиров А.Х., Цолоев Т.С.* Северный Кавказ: Современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации (с. 31–33); *Сченснович В.Н.* Геополитика в Каспийском регионе. (Обзор) (с. 33–44); 2018.03.003. *Сенюшкина Т.А.* Исламский фактор в конфессиональном пространстве Крыма (с. 45–48); 2018.03.004. *Абдыраманова Ч.Ш.* Муфтии как представители религиозной элиты в политических процессах Киргизской Республики (с. 48–52); 2018.03.005. *Мальшева Д.Б.* Обновление внешней

политики Узбекистана (с. 52–54); *Жамалова Д.* Последователи кадимизма и джадидизма среди улемов Бухары в начале XX в. (с. 54–63); *Конак И., Сулейманов Р.* Эликсир бессмертия для Эрдогана, или К вопросу об операции ВС Турции в сирийском Африне (с. 64–68); *Бибикова О.П.* Отношение к исламу в Венгрии (с. 68–73); *Ниязи А.Ш.* Саудовская Аравия, Катар, Норвегия, Россия в измерениях зелёной экономики (с. 73–82); *Добаев И.П., Гонтаренко Н.Н.* Радикализация исламского движения на Ближнем и Среднем Востоке: Вызовы, риски и угрозы для национальной безопасности Российской Федерации (с. 82–93); *Сапаров Б.Б.* Роль национального наследия и ценностей в формировании самосознания (с. 94–101); *Окилов С.С.* Абуль Му’ин ан-Насафи – как реформатор теологического учения «матуридизм» в Маверауннахре (с. 101–114); *Азизов И.* Закят и его правовые основы в Бухарском эмирате (конец XIX – начало XX в.) (с. 114–118).

№ 4 (310)

Ниязи А.Ш. Отчет ПРООН по развитию человеческого потенциала 2018: Тенденции и показатели в мире и России (с. 5–12); *Дмитриева Е.Л.* Исламское образование в России: История и современность (с. 12–17); *Добаев И.П.* Ислам в Черноморско-Каспийском регионе: Геополитическое измерение (с. 18–32); *Сулейманов Р.В.* Турецкий фактор азербайджанской государственности (с. 32–44); *Дмитриева Е.Л.* Постсоветская Центральная Азия: Этнотерриториальные споры и пограничные конфликты. (Обзор) (с. 45–55); *Сченснович В.Н.* Афганский кризис и угрозы безопасности Центрально-Азиатского региона. (Обзор) (с. 56–66); *Бибикова О.П.* Уйгурский джихад в Китае и Сирии (с. 67–77); *Бабиц И.Л.* Государственная мусульманская политика в контексте современной религиозности в Швейцарии (с. 77–86); *Рахимджанова Н.К.* Трактовка религиозных праздников и обрядов в туркестанской печати в конце XIX – начале XX в. (На примере исламской религии) (с. 87–94); *Ачилова Г.М.* Традиционная мусульманская культура и обычаи кочевников в управлении Средней Азией Чингизидами (с. 95–103); *Юсупова Н.Ж.* Основные принципы исламского права в укреплении семейных отношений (с. 103–112); Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2018 г. (с. 112–114).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2018 – 4 (310)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/XI-2018 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,0 Уч.-изд. л. 6,75
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 148

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл.,
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У